



Дмитрий Колодан

**Жизнь чудовищ (сборник)**

«АСТ»

**Колодан Д. Г.**

Жизнь чудовищ (сборник) / Д. Г. Колодан — «АСТ»,

Эта книга – опасное и увлекательное путешествие в невероятный мир, населенный гигантскими кальмарами и чудовищными рыбами, птицами-призраками и растениями-людоедами, зловещими крабами и фантастическими рептилиями. Это – реальная жизнь чудовищ. Сборник удивительных историй от самых интересных авторов новой волны российской фантастики.

© Колодан Д. Г.

© АСТ

## Содержание

Растения	5
Карина Шаинян	5
Дмитрий Колодан	13
Карина Шаинян	18
Беспозвоночные	21
Дмитрий Колодан	21
Дмитрий Колодан	27
Дмитрий Колодан	48
Конец ознакомительного фрагмента.	62

# Дмитрий Колодан, Карина Шаинян

## Жизнь чудовищ

### Растения

*Далеко не всегда комнатные цветы и растения приносят одну лишь радость. Это живые существа, которым требуется постоянный уход. Они могут болеть, поражаться вредителями и даже просто капризничать.*

*Сайт «Комнатные цветы в нашем доме»*

*Выдернув растение, собака подыкает.*  
*Борхес. «Книга вымышленных существ»*

### Карина Шаинян

#### Зеленый палец

Зимняя темнота не действовала на папоротник: он снова выпустил несколько свежих завитков, покрытых серебристым пухом. Оливия запустила руку в сплетение ветвей, потрогала землю – суховата; потянулась за кувшином. Его стеклянные стенки покрылись зеленым налетом, и за ним колыхались пушистые нити. Муть раздражала, но в глубине души Оливии нравилось, что даже в воде, отстаивающейся для поливки, что-то растет. Каждый раз, наполняя кувшины, она опасалась, что хлорка из-под крана убьет водоросли, но они только разрастались.

Что-то мешало воде литься. Оливия наклонила кувшин сильнее, и в горшок обрушился маленький водопадик. Она опасливо склонилась над цветком. В сухих листьях билась, быстро покрываясь землей, крошечная рыбка. Набравшись храбрости, Оливия двумя пальцами схватила трепыхающееся тельце. Рыбка извивалась, пытаясь вырваться, и едва не выскользнула, когда Оливия, не разжимая руки, опустила ее в воду. Грязь смылась, открыв радужную полосу на боку, круглый желтый глаз, прозрачные плавнички – присмотревшись, Оливия узнала аквариумную тетру.

С растерянной улыбкой она запустила рыбку обратно в кувшин. Тетра вильнула хвостом и скрылась в мутной воде.

Оливия даже не помнила, с чего все началось. С отростка хлорофитума, принесенного подругой. С косточки авокадо, зарытой в землю и проклюнувшейся жирным гладким ростком, который очень быстро превратился в деревце с крупными, голубоватыми с изнанки листьями. С кактуса-подкидыша, подобранного в подъезде... Под руками Оливии все росло и расцветало, бурно и необъяснимо. Вскоре ее знали все садоводы города. Как только таял снег, телефон начинал разрываться от звонков. Стоило ей дотронуться здесь, поправить там, посадить пару кустов – дальше шло само. Поначалу Оливия смущалась, говоря, что у нее нет никаких особых знаний и умений, но в конце концов покорилась и прикрыла свой странный дар скромным словечком «озеленитель», аккуратно напечатанным на визитке.

Ко всем этим будничным клумбам, живым изгородям и альпийским горкам она относилась с ласковой насмешкой, и радовалась, когда наступала зима и поток работы в чужих садах иссякал. Каждое утро Оливия просыпалась все позже, наслаждаясь тем, что никуда не надо идти и почти никто не тревожит ее. Друзья уезжали из города на рождественские каникулы.

Звали Оливию, но она не соглашалась. «Мне не на кого оставить цветы», – объясняла она. Друзья возражали – мол, можно что-нибудь придумать, договориться... «Да, но...» – отвечала Оливия, придумывая причины все изощреннее. «Это превращается в манию», – говорили ей, но Оливия только тихо улыбалась в ответ. Ехать никуда не хотелось. Ей холодно было выходить на улицу. Оливии хотелось в джунгли, а джунгли были дома.

Темноватая квартира заполнялась все новыми и новыми горшками, и Оливия целыми днями бродила среди зарослей с кувшинами и лейками, подрезала, подвязывала, подливала подкормку, а чаще – просто любовалась, предвкушая мелкие чудеса: свежий росток, невесть как забредшего в куст паучка, новый бутон, пушистую кисть орхидеи, источающую запах карамели.

«Мои джунгли», – говорила Оливия редким гостям. «Зимы не будет», – говорила она, блуждая в зарослях. Иногда она запускала в сухую листву, прикрывавшую землю, резиновую, но очень похожую на настоящую, змейку. Иногда, не удержавшись и не замечая настороженных взглядов, врала знакомым про попугая, поселившегося в безымянной лиане, про мелькнувшего ночью мотылька, про услышанное однажды мяуканье, – веселая чепуха, невинное развлечение.

И вот – аквариумная тетра. Амазонская тетра... Оливия всмотрелась в мутноватую воду и нервно рассмеялась. Забарабанило по окну – на улице мело, и злой ветер швырял в стекло горсти снега. Но здесь, внутри, стояла влажная жара, по окну стекали крупные капли, и в них отражалась зелень листвы. Оливия провела пальцем по стеклу, и капли соединились в ручеек. «Зимы не будет», – прошептала Оливия. Из комнаты слышалось хлопанье птичьих крыльев. «Голубь возится снаружи на подоконнике, – объяснила себе Оливия. – Просто замерзший голубь».

\* \* \*

Вечерами она выключала верхний свет и с ногами забиралась в кресло. Третий год шел дождь над Макондо, книжка выскользнула из вялых рук, и торшер отбрасывал на потолок резные лиственные тени. Оливия вспоминала котенка, который был у нее в детстве. Настоящего котенка, однажды оказавшегося вдруг на месте любимого плюшевого, – маленькое непрошеное чудовище, наверняка подсунутое родителями, хотя – кто знает? Они ведь так и не признались. Вновь подступал радостный ужас, и Оливия, спасаясь от страха и разочарования, снова и снова говорила себе: ничего необычного. Школьникам дарят рыбок, школьники ленятся за ними ухаживать – помнишь, как ты не хотела возиться с котенком? Рыбки надоедают, и дети спускают их в канализацию. (И перепуганные взрослые тоже, добавлял ехидный голосок.) А оттуда они запросто могли попасть в водопровод. Как? Не знаю, пожимала плечами Оливия; наверняка – очень просто: вспомни, какая гадость льется иногда из-под крана. Или розыгрыш. Розыгрыш! Сестра вечно посмеивалась над ее выдумками. Теперь Оливия припоминала, что Алекс как-то особенно хитро улыбалась перед уходом; а ведь была в гостях совсем недавно. Оливия сердито хмурилась. Нет уж, она не станет звонить: пусть сестрица думает, что шутка не удалась.

В окно барабанил тропический дождь, и в мгновения тишины между ударами капель был слышен тихий шорох. Оливия знала, что это растут цветы. В последнее время они множились особенно бурно, и стоило прикоснуться к любому побегу, как он начинал тянуться и ветвиться, набухая липкими почками. «Амазонская тетра, надо же, – думала Оливия, – славная шутка». Плюшевый котенок вдруг становился теплым и гибким, беззвучно разевал розовую пасть, полную зубов-иглоцек, и выворачивался из рук. «Я же играла, – говорила Оливия, – я просто играла», – но не знала, верит ли себе. Она задремывала, и через опущенные ресницы видела тучи желтых бабочек, кружившихся над влажными листьями бегоний.

\* \* \*

Несколько дней спустя, ясным утром, полным ледяного золотистого света, Оливия увидела, что стена на кухне покрылась паутиной трещинок. Штукатурка осыпалась, обнажив рыжий кирпич. Сквозь проплешины пробивались толстые белесые нити. Они тошнотворно колыхались на сквозняке и на первый взгляд казались червями – живыми и извивающимися. Оливия долго смотрела на них, будто загипнотизированная, а потом в ужасе бросилась в комнату.

В углу у окна, вплотную придвинутый к стене, стоял гигантский прямоугольный горшок с бугенвиллеей – багровое облако цветов на мощных узловатых побегах. Оливия раздвинула стебли и всмотрелась в заросли. Земли почти не осталось – все пространство занимали плотно переплетенные корни. Обоженная глина горшка давно раскрошилась под их напором, и корни впились в стены, взламывая кирпич.

На плечи посыпались малиновые лепестки, защекотало в носу. Оливия выбралась наружу. На пальцах осталась сухая пыль – Оливия машинально потянулась к кувшину с отстоявшейся водой. Задумчиво покачала его, глядя, как колышется зеленая пленка на поверхности воды. Сломанная стена – страшно, но объяснимо, сказала она себе. Это не рыбка. («Розыгрыш!» – испуганно закричала внутри Оливия Разумная.) От бугенвиллеи придется избавиться – жаль, но ничего не поделаешь: не позволять же растению разрушать дом. Оливия со вздохом взглянула на пышную шапку цветов, наклонилась, чтобы поставить кувшин на пол, и замерла.

Стена под подоконником раскололась, и сквозь трещину с улицы пробивался мягкий зеленоватый свет. Оттуда тянуло влажным, прелым жаром – скользкой палой листвой, синими поганками на гигантском гниющем бревне, мясистыми цветами с гладкой, восковой сердцевинкой. Парная тишина взорвалась хлопаньем крыльев и хриплым птичьим воплем. Пол качнулся и медленно ушел из-под ног.

Телефон был усыпан сухими листьями. Оливия вдруг поняла, что он молчит уже неделю – с тех пор, как в кувшине нашлась тетра. Будто очнувшись, она оглядела комнату. В зеленом полумраке пахло сыростью и плесенью, потолок и стены покрывали разводы, и пол был усеян опавшими листьями и комочками земли.

Она смахнула с телефона мусор и сняла трубку.

– Бугенвиллея сломала стену на улицу, и теперь мне страшно, – говорила Оливия автоответчику, набрав очередной номер. – В стене щель, и из нее пахнет джунглями.

Сестре она позвонила последней.

– Ты совсем заигралась, – тревожно ответила та, и тогда Оливия рассказала про рыбку.

– Я принесла ее в пакете с водой, – сказала Алекс, – извини.

– Мне придется избавиться от растений, – сказала Оливия.

– Достаточно выкорчевать этот здоровенный куст. Жалко, конечно, но...

– Нет. Ото всех, – тихо ответила Оливия. – Ото всех. Мне страшно.

– Глупо. Но как хочешь. – Сестра помолчала и добавила: – Может, оно и к лучшему. Ты совсем заигралась.

Оливия осторожно положила трубку и прикусила губу, чтобы не заплакать. Ни выкинуть, ни тем более выкорчевать свои джунгли она не могла – не поднималась рука, и Оливия решила просто засушить их. «Дождь кончился, – сказала она себе. – Дождь кончился, небо очистилось; хватит сходить с ума».

Она методично обошла квартиру, собирая пластиковые бутылки, лейки и любимые стеклянные кувшины. Отстоявшуюся воду выливала в раковину – из одного выскользнула еще одна тетра и судорожно забилась на дне. Оливия, брезгливо кривясь, ногтем подтолкнула ее к слив-

ному отверстию. Она драила стекло металлической мочалкой, пока на кувшинах не осталось и следа водорослей. Запихала лейки и ведра в самый дальний угол стенного шкафа. Сгребла в пакет пузыри и пакеты с удобрениями и вывалила в мусоропровод. Еще раз обошла квартиру. Схватилась было за пылесос, но махнула рукой: все равно скоро все засыплет сухими листьями. Оливия забилась в кресло и, стараясь не смотреть на растения, долго слушала удары капель и шорохи между ними: цветы допивали последнюю в своей жизни воду.

\* \* \*

Она проснулась от жажды. На кухне нашлись лишь остатки минералки – пара глотков, которые едва смочили пересохший рот. Оливия провела языком по шершавым губам и открыла кран. Она гулко глотала, давясь и обливаясь; вода холодным шаром прокатывалась по горлу и падала в желудок тяжелым комом. От нее несло хлоркой и металлом, но Оливия смогла остановиться, только почувствовав, как раздулся живот.

Она оглядела батарею пустых пластиковых бутылок. Прозрачный голубоватый пластик напоминал о горных озерах, полных вкусной воды. Бутылок было много. Неестественно много – столько не могло накопиться за какие-то три дня, и все же... Всего три дня, как она решила избавиться от растений; всего три дня, как страх зайти слишком далеко, всегда таившийся в глубине души, стал зримым и осязаемым. Но новые звуки уже наполняли квартиру – сухое потрескивание, тихие щелчки, песчаный шелест, колкое старческое покашливание.

Ее джунгли умирали. Это было невозможно, неправильно – иногда Оливии случалось не поливать растения и по неделе, и с ними ничего не случалось, но сейчас джунгли умирали. Зелень сменили оттенки коричневого. Мясистые листья тигровой бромелии стали болезненно-белесыми, почти прозрачными. Папоротник осыпался ржавым кружевом. Все стало ломким и хрупким, и каждый шаг, малейшее сотрясение воздуха приносили новые разрушения.

Оливия подошла к подоконнику – и с шорохом упал еще один лист. Она провела пальцем по стволу граната, покрытому клочьями отслоившейся коры. Оторвала сухой побег, смяла. Стебель рассыпался в скрипучую пыль. Хотелось заплакать – но слезы не шли, лишь резало глаза и до боли сводило горло, и опять страшно хотелось пить.

Вновь наглотавшись из-под крана, Оливия набрала воды в пустую бутылку – вкус тот же, но хоть на вид приятнее. Звонок в дверь застал врасплох – Оливия вздрогнула всем телом и застыла. Открывать не хотелось – казалось, за дверью поджидают чужаки, которые будут всюду совать свой нос, не понимая, что засуха – только ее дело, ее и растений, и больше никого не касается. Будут задавать дурацкие вопросы, как тогда – с котенком. Тот тоже был... слишком живой, но никто этого не понимал, никто, кроме Оливии.

Она уже решила сделать вид, что ее нет дома, когда вспомнила, что ждала сестру. Сама попросила прийти – и едва не оставила на пороге. Обтерев испачканные древесной трухой пальцы о джинсы и не выпуская из рук бутылку, Оливия пошла открывать.

– Жалко, – сказала Алекс, оглядевшись. – Может, все-таки не стоило так резко?

– Нет уж, хватит. – Оливия отхлебнула воды, тщательно завинтила крышку. – Ты сама говорила, что я заигралась. Больше никаких растений. Вообще никаких. Ни дома, ни в садах... хватит.

– И что ты теперь будешь делать?

Оливия пожала плечами.

– Понятия не имею, – сказала она. – Я не просила этого умения, я его не хочу. – Подбородок Оливии затрясся, но глаза остались сухими. Она судорожно вздохнула и сжала губы. – Пойдем чаю попьем, – подтолкнула она сестру.



Алекс мрачно смотрела, как Оливия возится с чашками. С сестрой явно творилось что-то неладное. Скулы, будто обтянутые пергаментом, воспаленные губы в трещинах, тусклые волосы, руки, похожие на птичьи лапки... Оливия нажала на кнопку чайника, опять жадно глотнула минералки. Алекс не выдержала.

– Не нравится мне, как ты выглядишь, – сказала она. – И пьешь все время. Ты не заболела случайно?

– Нет.

– Уверена? С тобой явно что-то не то. Может, сходишь...

– Нет! – Оливия сжала руки, выдохнула. – Со мной все в порядке.

Они помолчали, настороженно поглядывая друг на друга. Потом Оливия тихо заговорила, опустив глаза:

– Я все думаю про эту дырку в стене... Я ведь могла бы просто подглядывать, правда? Ведь если ты выходишь на балкон – это не значит, что надо обязательно с него прыгать?

– Что за чушь несешь... – Алекс повертела в руках ложечку. – Покажи-ка мне ее. Выдумываешь бог знает что...

– Я ее заделала. Мне показалось, что она становится шире, и я ее заделала.

Они вернулись в комнату. Оливия с натугой отвела в сторону стебли бугенвиллеи, и Алекс расчихалась от сухой пыли и лиственной трухи. Вытирая заслезившиеся глаза, она нагнулась и заглянула под подоконник. Белесый нарост, покрытый сеткой трещин, сначала показался ей огромным уродливым грибом-трутовиком, и она вздрогнула. Но иллюзия быстро рассеялась; присмотревшись, Алекс поняла, что это цемент, грубо нашлепанный прямо поверх обоев. По краям он был темнее – видимо, Оливия добавляла все новые слои.

– Он постоянно отходит, как будто что-то давит с той стороны, и приходится заново замазывать края, – объяснила Оливия.

– Может, просто усыхает и сжимается?

– Может быть, – недоверчиво пожала плечами Оливия.

По ночам Оливии снилось, что ее джунгли все еще живы. Джунгли хотели пить. Они просили. Они требовали – и за ними чудились другие, тонны и тонны зелени, густое органическое варево. Это были лишь тени – но тени, готовые вырвать право на существование любой ценой. Им не было дела до Оливии – она была лишь дверью, через которую жадно ломилась буйная, всепоглощающая, чуждая жизнь. Этот бурлящий, горячий поток готов был вырваться на нее – и сквозь нее, и Оливия с криком просыпалась.

Снова наваливалась жажда, впивалась в стянувшуюся кожу тысячей иголок, песком пробиралась под веки. Оливия нашаривала в темноте воду и, с трудом разлепив спекшиеся, потрескавшиеся губы, пила, стараясь не смотреть на окно – из-под подоконника пробивалось зеленоватое свечение, и уродливая цементная нашлепка отбрасывала на стену черную тень, похожую на бездонный колодец. Это продолжение сна, уговаривала себя Оливия, глотая, обливаясь и чувствуя, как вода прохладными струйками стекает по груди. Она на ощупь возвращала бутылку на тумбочку, обессиленно роняла голову на подушку и тут же отключалась, проваливаясь все в тот же сон.

В одну из таких ночей Оливия забыла проснуться.

\* \* \*

Утром она увидела, что цемент под подоконником снова осыпался по краям и лучи, пробивавшиеся из щели, стали как будто ярче. Они примешивались к свету ночника, приглушали его, сплетались в зеленую сеть, сгущая воздух. Зрение Оливии словно раздвоилось: она одновременно видела усохшие стебли, побеги, рассыпающиеся ржавой трухой, пыльные горшки –

и призрачную листву, глянцеви́то поблескивающую в темноте зимнего утра. Моргая и потирая глаза, Оливия включила люстру, но яркое электричество не рассеяло тени – наоборот, они сгущались, становились зримее, и уже можно было различить узор фиолетовых жилок на листе, колонну муравьев-листорезов, деловито шагающих по гладкой белой коре, мелькнувшую в ветвях древовидного папоротника разноцветную птицу, пеструю мышь, выскочившую из-под ног. Воздух гудел от насекомых, где-то рядом застрекотала цикада. Все еще призрачные, полупрозрачные, джунгли напряженно ждали, когда Оливия придаст им плоть.

– Ну уж нет, – сказала Оливия. Шарахнулась от эфемерного геккона, суетливо пробежавшего по стене. – Надо проснуться, – приказала она себе. Ресницы слипались, под веками щипало, и очень хотелось зажмуриться, но закрыть глаза было страшно.

Стараясь не задевать засохшие кусты, Оливия проскользнула в ванную и задвинула защелку, радуясь, что так и не собралась поставить там пару кустов попышнее и лампы дневного света, как хотела когда-то. Ванная одна во всей квартире была чиста, пуста, стерильна. Здесь не было ни призраков, ни мертвецов. Здесь пахло шампунем и стиральным порошком. Столик вокруг раковины был уставлен баночками и тюбиками с увлажняющими кремами. Уже привычно напившись из-под крана и умывшись, Оливия наугад открыла один из них и намазала лицо, заранее зная, что это не поможет. Присела на край ванны и уставилась на дверь, будто ожидая, что та сейчас распахнется.

– Надо проснуться, – повторила Оливия.

Она стянула одежду и встала под душ. Трубы натужно загудели, но не пролили ни капли. Оливия удивленно подняла голову, и в этот момент душ, натужно всхлипнув, выплюнул ей в лицо струи воды настолько мутной, что она больше походила на жидкую грязь. Заорав, Оливия шарахнулась, поскользнулась и растянулась в ванне, одной рукой пытаясь протереть глаза, а другой – дотянуться до крана. Упавший душ вертелся и извивался, то и дело обдавая красными густыми струями, но в конце концов ей удалось перекрыть воду. Оливия осела и разрыдалась, размазывая по груди грязь. Кое-как вытерла лицо, разлепила веки. Сток с протяжным хлопом втянул в себя остатки воды. На дне ванны остался слой жирного ила. В нем плавали прелые листья и копошились головастики, темные и глянцеви́тые, как шоколадные конфеты. Взвизгнув, Оливия одним прыжком вылетела из ванны и распахнула дверь.

– Да оставьте же меня в покое! – заорала она.

Квартира встретила ее настороженной тишиной и глухим стуком невидимых капель. Вокруг шептались тени. Под ногами хрустела опавшая листва, сухие веточки кололи ступни. Оливия медленно прошла в комнату. Бугенвиллея в багровой пене цветов вновь загораживала стену, но заглядывать под подоконник не пришлось. Сумрачные зеленые лучи, лившиеся из-под окна, наконец взломали стену. Цементная нашлепка беззвучно взорвалась облачком пыли; доска подоконника медленно приподнялась и рухнула на пол, на глазах рассыпаясь в труху. Рама стремительно темнела; краска как будто растворилась, и стало видно дерево, источенное причудливыми ходами жуков-древоточцев. Стекло вдруг помутнело, рассыпалось в водяную взвесь и ручьем пролилось под ноги Оливии. В оконный проем медленно вползло щупальце лианы. Джунгли стояли на пороге.

Оливия отступила. Резкая боль пронзила косточку на лодыжке, загремела перевернутая ведерная алюминиевая лейка, до сих пор надежно спрятанная в шкафу. Рука сама потянулась к изогнутой ручке, но Оливия, стиснув кулаки и прикусив губу, снова шагнула назад.

– Я не хочу! – прошептала она, нашаривая взглядом хоть какую-нибудь одежду. Издалека донесся глухой рокот. Босые ноги заскользили по полу, усыпанному листьями – но уже не сухими, а влажными, мягкими, почти черными, перемешанными с землей. Оливия опустила глаза и почувствовала, как дыбом поднимаются волоски на позвоночнике: в перегное, покрывшем паркет, четко виднелся след огромной кошки. Легкий мускусный душок скользнул в воздухе и растворился в запахе грибов.

– Явился, – хихикнула Оливия и медленно выпрямилась во весь рост.

Заросли лиан раздвинулись. Сочно хрупнул под тяжелой лапой стебель бегонии. Заструилось в полумраке пестрое золото меха, и листовые тени пролились на шкуру черными кольцами. Ягуар прогнулся, припал к полу вислым мохнатым брюхом. Разинул клыкастую пасть, показав пунцовое, в темных пятнышках небо, похожее на лепесток орхидеи. Прищуренные глаза распахнулись, обдав фосфорическим пламенем. Оливия улыбнулась и шагнула навстречу.

Никто не знает, что увидела Оливия в глазах ягуара. Известно лишь, что вскоре в квартире этажом ниже сосед раздраженно свернул газету и прислушался к доносящимся сверху звукам. Там лили воду, с дробным громом швырялись пустыми ведрами, били посуду, истерически всхлипывали и орали голосами, лишь отдаленно похожими на человеческие. Грохот стоял невыносимый, и сосед сердито посмотрел на часы.

– Что-то садовница сегодня разбуянилась.

– Гости? – предположила его жена. – Нет, вряд ли. Может, уборку затеяла?

Снова грохот и плеск, как будто кто-то выплеснул целую цистерну воды, и металлическое гроыхание. Потом вдруг все затихло, остался лишь неясный фон, тревожный шорох и жужжание на грани восприятия, и только прислушавшись, можно было различить шум льющейся из кранов воды и торопливое шлепанье босых ног. Потом душераздирающе заорал попугай; в ответ раздался стремительный стрекот, прерываемый звонкими щелчками. Явственно процокали маленькие копыта, кто-то с шумным хрюканьем заелозил по полу и взвизгнул, когда фырканье перекрыл оглушительный рев.

– Да что у нее там, зверинец, что ли! – соседка страдальчески закатила глаза и подскочила. – Что за черт! Нас заливают!

Потолок сочился мутной водой. Густые капли набухали на потемневшей штукатурке, и вот первая шлепнулась на скатерть и впилась, оставив на светлой ткани налет красноватого ила. Побагровев от ярости, соседка бросилась к телефону.

Она набрала номер Оливии, выждала несколько гудков и бросила трубку. Выглянула на лестничную площадку, – муж, отчаявшись звонить, уже стучал в дверь кулаками. Вздохнув, она вернулась на кухню и с ужасом поглядела на потолок. От побелки не осталось и следа; разбухшая штукатурка растрескалась, и из щелей свисали какие-то коричневые и зеленые веревки. Среди них, растопырив прозрачные пальцы-присоски, застыла крошечная лягушка с удивленной физиономией. Перекрестившись, соседка отступила к телефону и принялась судорожно листать блокнот, радуясь, что когда-то Оливия оставила на всякий случай телефон своей сестры.

Когда подросевшая Алекс открыла дверь, на нее выпорхнула стая бледных мотыльков и осыпалась на плиты лестничной клетки, не выдержав холода. Побегу уже заволокли вход в комнату, цеплялись тонкими усиками за стены и выплескивались на пол в коридоре. В нос ударил горячий запах мха и перегноя; из комнаты в подъезд повалил пар и осел на лица мельчайшими каплями.

– Да она совсем свихнулась, – проворчал сосед, заглядывая через плечо Алекс. Отстранив девушку, он брезгливо раздвинул мокрую листву и встал на пороге комнаты, почесывая в затылке. Алекс приподнялась на цыпочки, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь из-за широкой спины, но увидела лишь мокро блестящую, колеблющуюся листву. Она окликнула Оливию, уже не надеясь на ответ. Что-то влажно шлепнулось на пол, сосед шумно втянул воздух и отступил, едва не сбив Алекс. Под ногами, тошнотворно колыхая бахромчатыми краями, стремительно проскользнула огромная плоская многоножка и забила под плинтус.

– Вроде перестало лить, – деловито крикнули снизу.

– Ну вот и славно, – с явным облегчением откликнулся сосед и поспешно вышел из квартиры.

Оставшись одна, Алекс сделала несколько робких шагов вглубь комнаты. Споткнулась о толстый корень, жадно впившийся в скрытый под листьями и грязью паркет, и остановилась. Джунгли подступили со всех сторон; Алекс оглянулась, и прихожая, еще не заполоненная растительностью, показалась ей страшно далекой. Противоположной стены не было видно – лишь на месте окна в листве виднелся просвет, обрамленный трухлявыми, поросшими мхом стволами. От теплой земли поднимались струйки испарений, вились вокруг деревьев и растворялись в лучах зеленоватого света, лившегося с потолка. Алекс еще раз окликнула сестру, но собственный голос показался ей глухим и едва слышным, будто она говорила в мокрую, теплую вату. Тонко чирикнула какая-то пичуга; будто в ответ, откуда-то донесся раскатистый рев. Под ногами зашуршало, и Алекс, всхлипнув, бросилась прочь.

На пороге она оглянулась и сквозь прелый туман, сквозь густую листву увидела, как на прогалину вышла Оливия с огромной лейкой в руке. Алекс едва узнала ее – голую, перепачканную, с ветками и травой, запутавшимися в волосах. Она застыла, прижав ладонь к губам.

Оливия заметила сестру. Приостановившись, она грустно улыбнулась и пожала плечами.

– Наверное, я могла просто подглядывать, – сказала она, будто продолжая старый разговор.

– Ты и сейчас...

– Поздно. – Оливия смотрела на буйствующие вокруг нее джунгли. На ее лице мешались страх, досада и облегчение. Она махнула сестре рукой и беззвучно бросила на мягкий перегной ненужную уже лейку. Издалека снова донесся рев; в нем слышалось торжество.

Больше не оглядываясь, Оливия шагнула в проем бывшего окна и тотчас растворилась во влажном зеленом полумраке, где никогда не бывает зимы.

Алекс тщательно закрыла квартиру. Постояла, прислонившись к двери и прислушиваясь к звукам за ней – влажный шорох, хлопанье крыльев, нервный вскрик мартышки. На всякий случай еще раз потрогала ручку, убеждаясь, что замок крепко заперт, и начала медленно спускаться по лестнице.

## Дмитрий Колодан

### Зуб за зуб

Гарик терпеть не мог «Голуаз». Искренне ненавидел приторно-кислый вкус, от которого за версту несло портовыми борделями, и волочащийся за ним шлейф дешевого кортасаровского эстетства. Да только Юлькины приятели, художники-писатели, других сигарет просто не признавали. Всякий раз, когда ее компания собиралась на кухне – попеть песен да распить пару бутылок дешевого, но обязательно чилийского вина, – квартира неизменно пропитывалась «богемным ароматом». Потом Гарика еще неделю мутило и кружилась голова. Юля и сама курила именно «Голуаз», естественно жеманную «ультру», и всячески противилась попыткам Гарика уговорить ее бросить дурную привычку.

– Все потому, что ты стоматолог, – отвечала она на это. – У тебя нарушена система ценностей – вместо того чтобы заглянуть человеку в душу, ты смотришь на зубы.

– Да причем тут моя работа! – возмущался Гарик, раздражаясь из-за женской склонности к неверным толкованиям.

– Ты же не можешь смириться с курящей девушкой, – не унималась Юля. – Как же! Никотин портит зубы! Скоро и конфеты есть запретишь, да?

Дальнейшие попытки что-либо объяснить заканчивались скандалами, хлопаньем дверьми и очередной порцией противного дыма, сочащегося через балконную дверь.

Последний такой разговор случился не далее как вчера, и Гарик до сих пор ощущал неприятный осадок. Рабочий день закончился, но домой идти не хотелось. Юля наверняка еще дуется, так зачем спешить? Целый вечер терпеть колкости да давиться макаронами на ужин? Нет уж...

Гарик сидел за столом, заполняя карточки, когда в дверь робко постучали. Не дожидаясь ответа, в кабинет заглянула похожая на землеройку женщина.

– А доктор еще на месте?

Гарик отложил ручку.

– Слушаю.

Женщина растерянно моргнула. Кончик ее носа суетливо дернулся, словно она хотела поморщиться, но не решилась. Гарик давно смирился с тем, что многие мамы не воспринимали его как нормального врача – все-таки возраст еще не тот, – но порой это действовало на нервы. И кроме того, он был готов поклясться, от дамочки несло «Голуазом».

– Вы чего-то хотели?

Женщина вздрогнула и выдавила:

– Нам бы зубик удалить.

Гарик демонстративно посмотрел на часы. Работа в госклинике требует соблюдения ряда неписаных правил, и излишняя строгость с пациентами в их числе.

– Между прочим, мы работаем до восьми.

– Но доктор, – женщина жалобно улыбнулась. – Мы просто не успели, пробки, и трамваи плохо ходят...

«Конечно, – подумал Гарик, – они не успели! А отпроситься с работы на час пораньше, сводить ребенка к врачу, никто не догадался?»

– Как я погляжу, бахилы купить вы тоже не успели? – Гарик вздохнул. – Ладно уж, проходите.

Женщина втянула в кабинет щуплого мальчика лет семи с распухшими от слез глазами.

– Садитесь.

Мамаша помогла ребенку забраться в кресло.

– А ему не будет больно?

– Нет, конечно. Мы даже кричать не будем, правда? – Гарик заговорщицки подмигнул мальчишке. – Покажем маме, что мы уже большие и уколов не боимся?

Ребенок затравленно смотрел на Гарика, вцепившись в подлокотники, как цыганка-гадалка во влюбленную девицу. Он вяло кивнул, но колени заметно дрожали. Гарик повернулся к женщине.

– Анестезия бесплатная или платная? – Гарик щелкнул перчатками.

Естественно, платная. И, естественно, мальчишка кричал – не от боли, конечно, а от надуманного страха. Зуб, нижняя шестерка, почти развалился. Гарик мысленно выругал мать ребенка – надо сильно постараться, чтобы запустить все до такого состояния. Вот до чего доводит «главное – заглянуть человеку в душу, а уж потом смотреть на зубы». Проклятый «Голуаз». Однако удаление прошло легко и быстро, и вскоре, вручив мальчишке пластиковую бутылку со льдом, он отправил его в коридор.

– Пусть подержит минут пятнадцать. Если дома будет болеть, выпейте таблетку импортного парацетамола или – аккуратно! – прополощите рот отваром крапивы или коры дуба. Вот памятка. – Гарик вырвал из блокнота лист с рецептом. – За анестезию восемьдесят рублей.

Дамочка торопливо отдала деньги и поспешила успокаивать сына. Гарик вернулся к карточкам. Ровно через четверть часа снова вошел мальчик, прижимая к щеке бутылку. Оставленный ею след заметно белел на раскрасневшейся коже.

– Ну вот и все. Сильно болит? – спросил Гарик, забирая лед. Мальчик замотал головой. – А ты боялся! Можешь идти домой. Поторопишься – успеешь на «Спокойной ночи».

Паренек робко топтался на пороге.

– Что-то забыл? – поинтересовался Гарик, непроизвольно оглядываясь.

Мальчишка испуганно кивнул.

– А можно я заберу свой зуб?

Гарик поморщился. Все-таки дети напрочь лишены элементарных представлений о гигиене.

– Это тебе зачем? Делать больше нечего, как тащить домой всякую гадость.

– Они за ним придут, – тихо сказал ребенок, опустив глаза. – А у меня его нет. Что я отдам за монетку?

Гарик растерянно уставился на мальчишку.

– Кто придет?

– Клубни. Разве вы не знаете? Когда зубику больно, он кричит и плачет. Тогда приходят клубни и его забирают, а взамен оставляют монетку.

Гарик с самым серьезным видом кивнул. Бывает же. Наверняка ведь пацан уже в школу ходит, а до сих пор верит в подобные глупости. Это все плоды телеамериканизации. Зубные феи из пошлых комедий – вот истинный позор стоматологии. Вдалбливают детям, что деньги можно делать даже на больных зубах. Хуже Санта-Клауса да гамбургерного клоуна. Правда, здесь не феи, а какие-то клубни, но суть от это не меняется.

Гарик покопался в карманах.

– Держи. – Он протянул ребенку двухрублевую монету. – Зуб твой я сам передам.

Мальчик осторожно взял деньги.

– Честно передадите?

– Конечно, – заверил его Гарик.

– Вы обещали. – Мальчик выскользнул за дверь.

Вздыхнув, Гарик вернулся к документам. Спустя час зашел старик-охранник и грубо напомнил, что через десять минут клиника закрывается, а лично ему, доктору, вообще уже давно пора быть дома.

– Я сейчас, – ответил Гарик. Он громко захлопнул тетрадь и убрал ее в ящик стола. – Пять минут.

Охранник что-то пробурчал, но удалился. Гарик торопливо переоделся, собрал рюкзак и уже закрывал кабинет, когда вспомнил про последнее удаление. Черт! Сам же думал о гигиене, а прибраться забыл. Вот к чему приводит работа в неурочное время, да еще и без сестры.

Оставив ключи в замке, он вернулся. Зуб лежал в эмалированном поддоне, в окружении мокрых валиков ваты. Желтый, маленький, в пятнах крови на корнях и с отвратительным дуплом. Надо бы показать Юле, какие зубы бывают у детей тех, кто курит «Голуаз». Гарик усмехнулся – делать больше нечего! Еще бы отправился – как там? – клубней искать, небось они без этого зуба совсем жить не могут...

Гарик быстро навел порядок и вышел. Охранник уже погасил свет в коридоре, лишь вдалеке желтело уличным фонарем окно. Ближайший выход наверняка закрыт, так что придется идти через весь этаж. Гарик почувствовал себя неудобно – один, ночью, в пустой клинике. Самое время узнать, что один из коллег на самом деле маньяк-убийца... Гарик остановился, вслушиваясь в гудящую тишину коридоров. На втором этаже нервно хлопнула форточка. Ему показалось, что он слышит шаги охранника, проверяющего кабинеты в соседнем крыле. И что-то еще?

Гарик тряхнул головой, прогоняя наваждение. Нет, померещилось. Однако шаг он прибавил.

Дойдя до середины коридора, он снова остановился. Впереди определенно кто-то был. Прятался в темноте совсем рядом. На грани слуха Гарик уловил некое движение.

– Кто здесь? – тихо спросил он.

Охранник? Вахтерша? Уборщица? Мысль о коллегах-маньяках уже не казалась забавной – все-таки они зубные врачи, а если верить фильмам ужасов, со временем каждый второй стоматолог становится маньяком. Почему-то вспомнились мускулистые руки Алевтины Юрьевны из ортодонтии.

– Кто здесь?

Как и в первый раз, ответа не последовало. Гарик шагнул вперед, и в этот самый момент, словно в ответ на его движение, кто-то рванулся из полумрака. Смазанный силуэт мелькнул на фоне окна и исчез за углом.

Гарик замер, судорожно глотая воздух. Страх липкой змеей заворочался в низу живота. Каждый удар сердца гулко отдавался в горле. Проклятье, что это было? Уж точно не Алевтина Юрьевна, с ее комплекцией уже не бегает. Да и ростом незнакомец не вышел – от силы по пояс Гарику.

Держась за стену, он подкрался и заглянул за угол. Коридор был пуст. Но ведь не показалось же ему! Галлюцинациями он не страдал, так что... Мысли жалобно металась в поисках ответа.

Ну конечно! Гарик едва не рассмеялся от облегчения. Как же он сразу не догадался – это просто ребенок. Наверняка вахтерша опять привела на работу своих внуков-близнецов, вот дети и играют в прятки в пустом здании.

Под ногой что-то мерзко хрустнуло. Гарик нагнулся и поднял с пола гнилую развалившуюся картофелину. Ну и что они здесь устроили? Что за игры такие – пятнашки овощами? Надо сказать вахтерше, чтобы следила за детьми, все-таки работает в поликлинике, а не на овощебазе. Он быстро пошел к выходу, ощущая в глубине души непонятное беспокойство.

– Что-то вы припозднились, – сказала вахтерша, забирая ключи.

– Так получилось, – ответил Гарик. – Как ваши внуки?

– Да хорошо вроде, не бодем.

Она пошаркала к двери и долго гремела тяжелыми засовами. С улицы тянуло сыростью. В воздухе застыла холодная взвесь. Свет фонарей расплывался тусклыми радужными кругами, дрожал, сверкая дешевой мишурой. Гарик поднял ворот и поправил шарф.

– Вы им скажите, что клиника не место для игр. Хотят кидаться овощами, пусть идут на улицу.

Оставив изумленную вахтершу на пороге, он поспешил к остановке.

Трамвай как раз вынырнул из-за поворота и, разбрызгивая искры, остановился. Выругавшись, Гарик побежал и еле успел заскочить в заднюю дверь. Тяжело дыша, он рухнул на сиденье. Трамвай вздрогнул и задребезжал по пустынному проспекту.

– Проездной, – крикнул Гарик дремавшему на переднем сиденье кондуктору, но тот даже не поднял головы. Рыться в карманах в поисках билета Гарик не стал.

Он устало закрыл глаза. В рюкзаке лежал «Клоун» Беля, но читать совершенно не хотелось. Ладно, ехать до самого кольца, остановку не проспит, можно и вздремнуть.

Гарик проснулся от толчка в плечо. Над ним склонился кондуктор, зевая во весь рот. Обе нижних семерки – обширный кариес.

– Приехали? – спросил Гарик.

– Конечная, – кивнул кондуктор.

Гарик глянул в окно и увидел дрожащие сквозь морось окна своего дома.

– Спасибо. – Слегка шатаясь с полусна, он вышел из вагона.

– Эй! – закричал вслед кондуктор. – Вы пакет забыли.

Гарик удивленно обернулся.

– Какой пакет? У меня не было никакого пакета.

Кондуктор стоял на ступеньке, протягивая пухлую полиэтиленовую сумку.

– Это ведь ваше?

– Нет, – ответил Гарик.

Дно пакета неожиданно лопнуло, и на ступеньки трамвая, на рельсы и асфальт выплеснулся поток картофеля. Многие тут же разваливались от удара, растекаясь бледно-желтой жижей. Резкий запах гнили ударил в ноздри.

Кондуктор грязно выругался.

– Сами собирайте. – Он швырнул бесполезную уже сумку вслед Гарику.

– Это не мое, – тихо ответил тот, пятясь от тошнотворной россыпи испортившихся овощей. Трамвай возмущенно звякнул и тронулся, давя попавшие под колеса клубни, как ребенок противных гусениц. Порыв ветра подхватил рванный пакет, и потащил следом. Гарик резко развернулся и быстрым шагом пошел к дому, силясь выбросить картофель из головы. Бесполезно.

Дождь усилился, и прежде чем Гарик добрался до парадной, он успел основательно промокнуть. Дом встретил его издевательской надписью «HELLO» на табло домофона. Лампочка над дверью моргала, с трудом освещая сырые бетонные скамейки и крошечный пятячок асфальта, окруженный кустами сирени. Тусклые блики играли на темных листьях.

Гарик перевесил рюкзак на плечо, перед собой, и расстегнул боковой карман. Как назло и как всегда, ключи запутались в проводах от плеера. Он возился, наверное, с минуту, прежде чем смог их освободить. Домофон довольно пискнул, разрешая открыть дверь. Придерживая ее ногой, Гарик обернулся.

Оно стояло всего в нескольких шагах, на самой границе зыбкого полукруга света. Какое-то чудовищное, нелепое создание, ростом не больше ребенка. Словно кто-то попытался вылепить человечка из вывернутого наизнанку мешка с картошкой. Странное нагромождение грязно-коричневых клубней, кое-как скрепленных белыми клейкими жгутами, дрожало, как желе под ураганом. У него не было ни глаз, ни рта, лишь слабые намеки на голову и конечно-сти. И пальцы: длинные, корявые, с уродливыми крючьями и шипами. Они безостановочно шевелились.

Гарик вжался в стену, готовый закричать и не находя в себе сил. Желудок судорожно сжимался, желчь подступила к горлу. Раскачиваясь, существо двинулось к Гарику. «Бежать,



надо бежать», – мысль тупо билась в голове, как шмель о стекло, но обмякшие ноги не могли сделать и шага.

Существо остановилось прямо перед Гариком. Медленно подняло руку. Длинные пальцы коснулись груди, осторожно ощупали, скользнули по шее, щекам. Холодные и липкие. Гарик хотел отключиться, молился о том, чтобы потерять сознание, но что-то прочно держало его в сумасшедшей реальности.

Извивающиеся черви пальцев скользнули по губам, настойчиво пробираясь в рот. Гарик почувствовал, как ему настойчиво разжимают челюсти. Пальцы скользнули внутрь и принялись старательно ощупывать каждый зуб.

Продолжалось это, должно быть, считанные секунды, но время тянулось как «Орбит». Наконец существо отпустило его. Голос зашелестел палой листвой.

– Тихие зубы, тихие. Они не кричат. Нужны другие, которые кричат...

Существо шагнуло назад, и в то же мгновение белесые жгуты лопнули. Клубни разлетелись во все стороны, разваливаясь, не успев даже удариться о землю. Скользкие брызги ударили в лицо. А прямо посреди растекающегося по асфальту жуткого месива осталась лежать смятая оранжевая сигаретная пачка. «Голуаз». «Ультра».

Гарик попятился в парадную, споткнулся о ступеньку и схватился за перила. Пальцы задели что-то холодное и склизкое. Гарик отдернул руку, сквозь кожу чувствуя мерзкий запах гниения и сырого крахмала.

Которые кричат? Он замер.

Никотин разрушает зубы. «Когда зубику больно, он кричит и плачет. Тогда приходят клубни. Честно отдадите?»

Он побежал, падая и перепрыгивая через ступеньки. Дверь была открыта. Юля стояла на пороге, скалясь пунцовыми деснами сквозь разодранные в лохмотья щеки. Кровь стекала по шее, бурела пятнами на блузке. Кисло пахло «Голуазом». Медленно Юля протянула Гарику сложенные лодочкой ладони. Меж пальцев на паркет сыпались монеты.

## Карина Шаинян

### Кукуруза, пережаренная с мясом

Когда ты отрываешь взгляд от обгорелой спички, завалившейся под сиденье, оказывается, что автобус стоит, за окном темно, и по нему медленно стекают капли конденсата. Не проснувшись толком, идешь к выходу, кто-то бесцеремонно протискивается мимо – крепкие ладони на секунду замирают на твоих плечах, «грасиас, чика», смуглая рука тянет из кармана сигареты. В темноте перевала светится дверь придорожной забегаловки, потрескивает, остывая, мотор, и борта автобуса блестят, уже схваченные инеем. В горле стынет от запаха эвкалиптов. Водитель, присев на корточки, пьет кофе торопливыми мелкими глотками, от картонного стаканчика валит пар. После застрявшей в автобусе влажной жары низин бьет дрожь; шаршишь в кармане, нащупывая мелочь и прикидывая: успеешь добежать до кафе или автобус уйдет без тебя. Колеблясь, делаешь несколько шагов в темноту. Светлое пятно двери вдруг становится страшно далеким; решаешь не рисковать и застываешь посреди дороги крошечной, почти кукольной фигуркой, задавленной тишиной. За спиной – надежная туша автобуса, впереди – свет единственного на километры жилья, и влажно блестит асфальт. Гор не видно в темноте, но их присутствие чувствуешь, как чувствуешь большое животное, притаившееся рядом, – тяжелые лапы давят серебристую траву, в мощных легких шелестит разреженный воздух. От звериного дыхания колышутся гигантские стрелы агавы, и пахнет древней пылью, въевшейся в шкуру. Разрываешься: то ли схватить сумку и рвануть в темноту, то ли спрятаться в светлом тепле автобуса. Горы с шорохом валятся с неба, и вздрагиваешь, когда кто-то дергает тебя за рукав.

Всего лишь индейская девочка лет десяти. Пухлые губы, скуластое лицо, черные спутанные волосы падают на глаза, шаль по-взрослому обернута вокруг плеч. «Три доллара, синьора», – говорит она. Под пальцами – грубая мешковина, шерстяные стежки, толстые нитки. Хочешь спросить, что это, и вдруг понимаешь, что девочка говорит по-испански не лучше тебя. Ошалело суешь ей деньги – оказывается, ты давно уже мусолишь в кармане именно три доллара, собиралась же купить кофе и что-нибудь поесть. Жаль глупышку, затеявшую продавать сувениры в таком безнадёжном месте: гринго не часто ездят ночным автобусом через перевал. Что же, значит, шутовщина в руке была сделана для тебя. Тянешься погладить растрепанную детскую голову и тут же жалеешь: долгую секунду кажется, что девочка сейчас вцепится в руку зубами. Отшатываешься; девочка молча идет к автобусу, и ты наконец замечаешь на ее груди лоток, набитый пакетиками, и чувствуешь нестерпимо соблазнительный запах – аромат кукурузы и мяса, пережаренного до хруста. Пассажиры радостно гомонят – ни одного знакомого слова, лишь оживленный щебет кечуа. Рот наполняется слюной, но подойти к девочке и купить у нее еды кажется невозможным, и ты лишь стискиваешь купленную вещь, слыша, как шуршит в мешковине зерно.

В тепле автобуса рассматриваешь покупку: три девочки, три выпуклые фигурки, нашитые на грубый холст, – овалы головы, лица и волосы из цветной шерсти, платица из лоскутов – белое, оранжевое, синее. У них нет рук. Глаза малиновыми и черными кругами. Суешь игрушку в рюкзак и дремлешь под завывания автобуса, несущегося в долину. Когда просыпаешься в следующий раз, за окном уже мелькают огни пригородов и тощий мальчишка, повиснув в дверях автобуса, выкрикивает остановки.

Лошадиные лица стюардесс, кофе в Скиполе, зимняя слякоть в Шереметьево, привычная круговерть, в которую погружаешься неприятно просто. Спустя полгода в поисках идеи для нового рассказа упираешься взглядом в кукол из мешковины, забытых на полке. От них еще пахнет пылью с другой стороны земли, зерно внутри по-прежнему шуршит, как сухая трава

на перевале. Вспоминаешь маленькую глупышку, продававшую кукол у ночного автобуса, и решаешь написать о ней. Ты давно уже пишешь только правду, и здесь врать и выдумывать не собираешься. Видишь эту девочку глазами глупого гринго, который ничего не понимает в ее жизни. Он лишь однажды прикоснулся к зябкой ночи, услышал сухой шепот эвкалиптов, заглянул в черные глаза – и отравился разреженным воздухом Анд, пока водитель автобуса пил кофе на перевале. Текст не идет, не получается взять нужный тон, и куклы строго смотрят на тебя малиновыми шерстяными глазами. Приходит с работы муж, ты суешь ему игрушку (он держит ее чуть брезгливо – никогда не любил этих кукол) и просишь говорить о девочках, пока готовишь ужин. Он посмеивается и стряхивает сигаретный пепел в цветочный горшок. Как всегда неожиданно наступает ночь; он так и не сказал ничего, что могло бы привести на мысль. Поцелуй на ночь; ты нехотя возвращаешься к рассказу и вдруг обнаруживаешь, что кукол на столе нет. Ищешь на кухне, потом обшариваешь всю квартиру, но игрушка бесследно исчезла. Махнув рукой, пытаешься вспомнить, как выглядели девочки, и понимаешь, что осталось лишь ощущение зерна под мешковиной. С тщательно задавленным облегчением закрываешь файл: придется отложить на завтра.

Но завтра, и послезавтра, и еще много дней забываешь спросить о куклах: ужин, болтовня, секс, посмотрим кино? В полночь он уходит спать, а ты открываешь файл с рассказом и спохватываешься – но будить ради такой глупости жалко. Откладываешь рассказ и вновь возвращаешься к нему. Стоит набрать хоть слово, и в комнате становится зябко, горло перехватывает от эфирной прохлады, а за окном слышен сухой шорох. Ты понимаешь, что больше всего нужно не увидеть игрушку, а узнать, что за зерно шелестит у нее внутри. По ночам снится, как ты с покрытыми инеем ножницами в руках гонишься за маленькой индейской девочкой. Щелкаешь лезвиями, почти дотянувшись, – но каждый раз в руках оказывается лишь грязноватый лоскуток, белый, оранжевый или синий, а девочка убегает на темнеющий перевал, насмешливо шурша; там слишком высоко, ты задыхаешься. Сон всегда кончается одинаково: посреди темной, влажно блестящей дороги девочка останавливается. Догоняешь ее, заносишь ножницы. Она через плечо говорит с тобой на кечуа – безумно важно понять, что именно. Застываешь, напрягая слух и память. Девочка медленно оборачивается – на груди у нее лоток, и капает слюна с блестящих клыков, торчащих из-под пухлых губ. В ужасе ты бросаешься бежать – и просыпаешься.

Устав от кошмаров, стираешь файл с набросками рассказа. Этой ночью ты не убегаешь от клыков, а тянешься, чтобы погладить девочку по голове, забыв о ножницах в руке. Лезвия распарывают смуглое личико, и из раны с шорохом высыпается кукуруза. Перед тем как упасть, кукла успевает вцепиться клыками в твою руку – но вместо крови видны пережаренные до хруста волокна.

На следующий день плюешь на давнее обещание ничего не выдумывать. Переселяешь индейскую девочку на перевал, обводишь глаза кукол малиновой шерстью и набиваешь их туловища жареной с мясом кукурузой. К вечеру в комнате начинает невыносимо вонять. Источник запаха находишь за кроватью – кусок мешковины, блестящей от жирной гнили. Давя тошноту, прихватываешь его пакетом и отправляешь в мусоропровод, а потом долго сидишь на кухне, ожидая, когда вскипит чайник. Возвращаться в комнату не хочется: на мониторе притаился открытый файл с недописанным, но уже мертвым рассказом. Взгляд рассеянно останавливается на цветочном горшке. Из земли, обсыпанной пеплом, торчит обгорелая спичка, но ты не в силах рассердиться – просто смотришь и праздно размышляешь о том, что жареную кукурузу с мясом готовят на открытом огне.

Когда ты отвлекаешься от спички, оказывается, что автобус стоит на перевале и за влажным окном темно. Пока водитель пьет кофе, ты берешь сумку и выходишь. Горло перехватывает от эвкалиптовой прохлады. Покупаешь у индейской девочки пакетик кукурузы, неторопливо идешь к забегаловке. Откидываешь шерстяную занавеску в оранжево-сине-белую

полоску, пропитанную кухонным чадом. Пьешь кофе из картонного стаканчика, а когда автобус, взревев, уезжает, выходишь на обочину и, пройдя немного по дороге, сворачиваешь в сухую траву. В темном небе качаются кисти агавы. Бросив сумку под колючим мясистым листом, ты поднимаешься в гору, слушая, как в легких шелестит разреженный воздух Анд.

## Беспозвоночные

*... У всех раньше описанных позвоночных животных основой тела является костяной или хрящевой скелет, который служит опорой всем мягким частям тела, но сам всегда скрыт внутри последних. Совершенно иное построение тела видим мы у беспозвоночных, к описанию которых теперь переходим...*

*Альфред Брем. «Жизнь животных»*

## Дмитрий Колодан Тяжесть рыб

Трудно сказать, чем привлёк Маршала тот залив. Он выехал из Хобарта, намереваясь за пару дней добраться до Кокл-Крик, а уже оттуда к заливу Прайон – фотографировать китов. Но когда за очередным поворотом показалось море, Маршал, неожиданно для самого себя, остановил машину.

Залив был самым обычным – узкий фьорд, глубоко врезавшийся в берег, каких немало на южном побережье Тасмании. С дороги открывался в меру живописный вид на тягучее серо-зеленое море и крутые скалы. При желании на их вершинах можно было разглядеть изломанные ветрами эвкалипты и южные буки. Над деревьями кружила пара черных буревестников, выглядевших зловеще на фоне серого неба. Пряди утреннего тумана, уже слишком тонкие, чтобы казаться таинственными, тянулись над водой. Легкая морось на ветровом стекле «хонды» делала их почти невидимыми.

Взяв с заднего сиденья камеру, Маршал вышел из машины. Он ещё не понимал, что именно хочет сфотографировать, однако ощущал смутное беспокойство, охватывавшее его всякий раз, когда должно было случиться что-то важное. Похожее чувство посещало его на Суматре, когда на лесной тропинке он столкнулся с тигром, и на Аляске, когда, готовя материал по морским котикам, успел снять атакующую косатку. Работа фотографа-анималиста во многом состоит из подобных случайностей, и Маршал привык доверять своим чувствам.

Он подошел к обрыву. Море внизу лениво лизало узкий пляж. Маршал различал тонкую полоску серой пены, извивающуюся между обглоданным волнами плавником и зарослями сухой травы. Несколько растрепанных чаек прохаживались по краю воды в поисках моллюсков и плоских червей. Настроив камеру, Маршал сделал пару пробных фотографий. Глядя на залив через видоискатель, он тщетно силился увидеть что-нибудь необычное – быть может, блестящую китовую спину или ската, на мгновение вырвавшегося из воды... Но море было спокойным и пустынным.

У самого обрыва стоял старый трейлер. Давно снятый с колес, он почти врос в землю. Из-под днища неряшливыми пучками выбивалась желтушная трава. Белая краска на боках трейлера пузырилась, лопаясь, и слезала жуткими струпами. Эти раны краснели пятнами ржавчины. Стекла выходящих на море окон были выбиты, и вместо того, чтобы вставить новые, их просто заменили толстой вощеной бумагой. На двери черной краской кто-то написал, что трейлер является собственностью управления природных ресурсов. Похоже, Маршал далеко не первый, кто здесь останавливается, если уж они позаботились о каком-то жилище. Поразмыслив, Маршал решил, что разрешение на съемку китов, полученное в том же управлении, дает ему полное право поселиться здесь на некоторое время.

Каплевидные очертания трейлера напоминали старого кита, уставшего ждать в пучине своего Ахава и выползшего на берег. Шутки ради Маршал назвал его «Пекодом». Внутри

было холодно, сыро и пахло плесенью. На вторую ночь он перебрался на заднее сиденье своей «хонды» – спать приходилось согнувшись в три погибели, к утру затекали ноги и ныла спина, но по крайней мере в машине не было сквозняков.

Погода стояла гадкая. Небо затянули плотные тучи. Резкий южный ветер приносил ледяное дыхание Антарктики, наполняя воздух капельками воды и крошечными льдинками. Над морем клубился туман, скрывая залив и оседая белесым инеем на прибрежном кустарнике. По ночам температура опускалась ниже нуля, к утру мелкие лужи на пляже покрывались ледяной пленкой. Сентябрь подходил к концу, а потепления не предвиделось и, судя по метеосводкам, такая погода могла продержаться вплоть до середины октября.

В то утро Маршал курил, сидя на ступеньках трейлера. На фильтре сигареты черными крапинками выступила горькая смола. В стылом воздухе дым извивался тонкими петлями, похожими на татуировки маори. Туман понемногу рассеивался, уползая в сторону океана. Время от времени издали доносился одинокий гул туманной сирены.

Маршал встал и, засунув руки в карманы, спустился к морю. На пляже ветер был заметно слабее. Рассеянно глядя по сторонам, Маршал направился в сторону скал. На морском берегу иногда встречаются интересные вещи – раковины, странные камни, отшлифованные морем осколки стекла. Пару лет назад Маршал нашел старую куклу Барби. Ее искусственные волосы переплелись с морской травой, а в пластмассовом предплечье застрял акулий зуб. Из уважения к игрушке, не побоявшейся встретиться с опасным хищником, Маршал забрал куклу домой и поставил на книжную полку.

Но в этот раз сокровища не попадались. Маршал шел медленно. Маленькие волны заливали его следы, и за спиной образовалась цепочка крошечных луж, заполненных мутной жижей. Маршал заметил, что в одной из них уже обосновался ярко-красный краб. Впереди по песку прыгали чайки. Повинуясь внезапному порыву, Маршал разбежался, чтобы напугать птиц. Чайки взлетели, но через пару метров вновь опустились.

Побережья всегда манили Маршала. Было что-то чарующее в границе воды и суши, задевавшее неведомые струны его души. Находясь на берегу, он каждый раз ощущал, будто стоит на краю нового удивительного мира, полного чудес и загадок.

Пляж резко заканчивался, упираясь в стену черного камня, покрытого блестящей пленкой водорослей. Кое-где на скальных выступах пестрела охра, росли клочья мха. Обернувшись, он разглядел рядом с трейлером крошечное желтое пятнышко своей машины. Маршал хотел было уже вернуться, но в этот самый момент его внимание привлек странный узор на камнях метрах в пяти от берега. Ожидая увидеть очередное творение моря и ветра, он подошел поближе и с удивлением обнаружил, что рисунки, без сомнения, сделаны человеком. Волны не рисуют на камнях рыб, открывая тайны океана.

Картинок было не меньше десятка. Крупные и удивительно точные изображения рыб, вырезанные на камне и обведенные по краям охрой. Маршал сначала решил, что это дело рук аборигенов, но, подумав, отказался от этой мысли. На Тасмании уже лет двести, как нет коренных жителей, – за это время волны давно бы стерли картинки, не оставив и следа. Наверняка, работа какого-нибудь местного чудака-художника...

Маршал сделал несколько снимков, чувствуя нарастающее напряжение и смятение. Ему вдруг стало не по себе. В рисунках было что-то неестественное, неукладывающееся в голове. Должно быть, подобное чувство испытывали папуасы Новой Гвинеи, когда Маршал показывал им их фотографии – аборигены никак не могли понять, как можно находиться в двух местах одновременно.

Ему вдруг захотелось увидеть рисунки как можно ближе, прикоснуться к ним. Набежавшая волна скрыла камни, а когда вода отхлынула, Маршал был готов поклясться, что рыбы изменили свое положение.

Сняв ботинки, он закатал брюки до колен и, опираясь рукой о стену мокрого камня, шагнул в море. Накативший вал хлестнул Маршала, едва не сбив с ног. Медленно, то и дело оставливаясь, ощупывая ногой дно, Маршал побрел к камням. Там оказалось немного глубже, чем это представлялось с берега, и, когда он добрался до рисунков, вода доставала Маршалу до груди. Море было настолько темным, что он практически не видел дна и боялся провалиться или напороться на острый камень или раковину. Камеру приходилось держать высоко над головой, чтобы, не дай бог, ее не накрыло волной. Водонепроницаемый чехол остался в машине. Маршал выругал себя за то, что не догадался захватить чехол, но возвращаться и не подумал.

Волны толкали его к скалам, он едва держался на ногах. Страшно было подумать, каких усилий стоило художнику, изображавшему рыб, находиться здесь. Вблизи рыбы были еще более поразительными. Солнечник, морской конек, тунец и глубоководный удильщик были вырезаны с точностью до последней чешуйки. Маршал провел рукой по одному из рисунков, почти ожидая, что вместо скалы под ладонью окажется скользкая рыба плоть. Но камень остался камнем. К пальцам прилипло немного охры.

Маршал никак не мог уследить за рисунками. Ему казалось, что рыбы все время двигаются: то – чуть шевельнется плавник, то – на мгновение откроется рот. Но стоило ему начать присматриваться – рисунки замирали. Риска испортить камеру, он все же сделал несколько фотографий и только после этого направился к берегу.

Оставшийся день он провел в трейлере. К счастью, там обнаружилась маленькая железная печка. Задувавший в щели ветер сводил на нет попытки обогреть помещение, но одежду Маршал все-таки высушил. Заодно он обшарил все углы, в надежде найти хоть что-нибудь связанное со странными рисунками, но его единственной добычей стал ежегодник двухлетней давности, разбухший от влаги. Шесть страниц, посвященных рыбалке, были вырваны.

Ночью ему не спалось. В толстом спальнике было душно и жарко, но без него Маршал тут же замерзал. Он ворочался на неудобном сиденье, попеременно считая то овец, то кенгуру, но раз за разом возвращался к рыбам.

В конце концов Маршал не выдержал. Натянув свитер, он отправился на пляж. Ночь была на удивление ясной. Луна, похожая на измятый грязными пальцами ломоть творожного сыра, плыла над заливом. Море блестело, переливаясь в призрачном свете. Серебристая лунная дорожка тянулась к горизонту. Возможно, именно по ней и забрались на небо все эти Киты, Крабы и Летучие рыбы. Маршал усмехнулся нелепости мысли и подошел к обрыву.

Странную белую массу, извивавшуюся у скал, он заметил сразу же. Маршал уставился на нее, не понимая, игра это лунного света или его воображения. Десятиметровое торпедообразное тело почти не двигалось, а щупальца беспрестанно спутывались и переплетались, как клубок угрей на сковородке. Гигантский кальмар.

Маршал бросился к машине за камерой, боясь, что, когда он вернется, спрут исчезнет. Но ему повезло – кальмар все так же копошился, упираясь в скалу. Толстое щупальце поднялось над водой и медленно проползло по камням. Уж не хочет ли спрут забраться наверх и прыгнуть со скалы?

Образ гигантского кальмара, ныряющего, словно заправский ловец жемчуга, показался Маршалу настолько забавным, что он рассмеялся. Сделав серию быстрых снимков, Маршал начал торопливо спускаться по тропинке.

Только на половине пути он понял, что кальмар был в том самом месте, где нарисованы рыбы. Неужели чудовище поднялось из глубин, чтобы взглянуть на рисунки?

Начался прилив, воды на пляже было уже по щиколотку. Не обращая на это внимания, Маршал встал за толстой корягой на одно колено и до конца отжал зум. Он запоздало сообразил, что оказался слишком близко к одному из самых опасных морских созданий. С такими чудовищами сражался капитан Немо, такие монстры топили целые корабли. А если кальмар

решил атаковать? У Маршала не было даже ножа, чтобы защититься. Однако спрут если и заметил фотографа, то виду не подавал. Маршал приткнулся к видеоискателю.

В свете луны было отчетливо видно, как щупальце с роговым крюком на конце скользнуло по камню, оставив за собой тонкую черту. Затем еще раз и еще, пока линия не приобрела нужную глубину. Другие щупальца заполнили ее охрой, соскобленной с ближайших камней, а крюк тем временем уже вычерчивал новую линию.

Маршал ошарашенно опустил фотокамеру. Он не мог поверить своим глазам. В этом было что-то чудовищно нелепое – кальмар, по ночам вырезающий на камнях рыб. Он прочел немало статей о сообразительности головоногих моллюсков; об их невероятных размерах мозга; о лабиринтах, которые осьминоги строят на дне океана; о каракатицах, танцующих в солнечных лучах для собственного удовольствия... Но образ рисующего кальмара не укладывался в голове. Легко поверить в разумность китообразных, особенно дельфинов. В дельфинах вообще есть что-то уютное, домашнее. Но представить сознание, скрывающееся в этой почти бесформенной массе, в этом чудовищном сплетении щупалец... Какие мысли колышутся в мозгу этого создания? Медленные, в такт приливам и отливам, подобные лентам бурных водорослей, непостижимые, как Саргассово море? Зачем оно рисует рыб? Вопросы вихрем пронеслись в голове Маршала, и ни на один он не находил ответа.

Кальмар неторопливо отплыл, на секунду замер, видимо любясь своей работой, а затем беззвучно погрузился в пучину. Маршал еще долго сидел на песке, ожидая, что море вспенится и кальмар появится снова. Но спрут не вернулся. Не было его и на следующую ночь.

Спустя два дня Маршал проснулся от стука в стекло. В окно автомобиля заглядывал незнакомый человек. Прямо над головой у него висела половинка луны, будто незнакомец надел ее как шляпу. Человек поднес руку ко лбу, и Маршалу почудилось, что сейчас таинственный гость снимет луну в знак приветствия, но этого не случилось. Маршал опустил стекло.

– Доброй ночи. Я Эб, человек—морская звезда.

Маршал с удивлением смотрел на пришельца, почти ожидая увидеть признаки иглокожих. Однако в его облике не было ничего похожего – высокий, тощий и нескладный, Эб скорее походил на пожилого кенгуру.

– Морская звезда?

– Ну, не совсем, конечно. Но моя прапрабабка была морской звездой.

Эб оттопырил губу, словно это должно было подтвердить его кровную связь с аборигенами. Маршал рассеянно кивнул, плохо соображая спросонья.

– Я инспектор управления природных ресурсов, – сказал Эб. – Извините, что разбудил, но здесь нельзя останавливаться. Это охраняемая территория. Надеюсь, вы рыбу не ловили?

Маршал замотал головой.

– Нет-нет, я фотограф. У меня есть разрешение управления...

Перегнувшись через сиденье, он достал из бардачка бумаги и передал Эбу. Тот бегло просмотрел их и нахмурился.

– Это же разрешение на фотосъемку китов. Здесь никогда не было китов... С тех времен, когда на этой земле жили только люди—морские звезды ни одного не видели.

– Я просто фотографировал залив. Очень красивый вид.

Эб тяжело вздохнул.

– Еще бы.

Он достал из кармана мятую сигарету и закурил. Маршал заметил, что у инспектора дрожат руки – то ли от холода, то ли от волнения. Маршал вылез из машины.

– А что здесь охраняют? – спросил он. – Залив, как залив...

Он не хотел говорить Эбу, что знает про кальмара, рисующего рыб.

– Это святилище моего народа. Здесь жил морской человек с десятью руками.

Маршал вздрогнул.



– С десятью руками? – сказал он как можно непринужденнее.

– Когда мир был только создан, на юге и на севере было поровну земли и воды. И жили два брата, один на севере, другой на юге. Тот, что жил на севере, украл у брата жену. Брат рассердился и начал швырять ему вслед землю и камни, так почти все и перекидал. Земли на севере стало больше, она наклонилась, и люди—морские звезды попадали в небо. Тогда человек с десятью руками сделал большую рыбу, такую же тяжелую, как вся земля на севере. Но большая рыба стала есть людей—морских звезд. Поэтому человек с десятью руками разбил ее на множество маленьких рыб и выпустил их в море. А потом нарисовал этих рыб на скале и сказал, что рисунок рыбы – это и есть рыба, и что одна рыба – это все рыбы. И пока это так, земля не опрокинется.

– Милая история.

Эб криво усмехнулся.

– И заметьте, это – история народа, за которым не признавали способность к абстрактному мышлению. Математики совсем недавно дошли до подобных понятий. – Эб сплюнул. – А вот людей—морских звезд больше нет. Только я, да и мне недолго осталось. Уезжайте отсюда. Пять километров по шоссе – и будет другая красивая бухта. Там порой бывают киты.

Эб направился к своему грузовичку, стоящему рядом с трейлером. Маршал некоторое время смотрел ему вслед, а затем завел мотор «хонды».

Он проехал всего пару километров и вдруг резко затормозил. По обочинам шоссе сплошной стеной росли эвкалипты и древовидные папоротники, с их ветвей свисали лохмотья мха. Луна робко пряталась в густой листве доисторического леса. Маршал не удивился бы и динозавру, появившись тот сейчас в свете фар.

Сердце бешено колотилось. Маршал чувствовал странную слабость. Навалилось тяжелое ощущение надвигающейся беды. Он закурил, но поперхнулся дымом, закашлялся и выронил сигарету. Горящий уголек упал на сиденье. Маршал хлопнул по нему и тут же отдернул руку. Подул на ожог и уставился на пересекавшую ладонь полоску охры.

Взрыв он услышал, уже подъезжая к заливу. Над землей пронесся глубокий низкий гул. Закричали птицы. Похоже на раскат грома, но на небе не было ни облачка. Маршал чуть не врезался в трейлер. Выскочив из машины, он бросился к пляжу.

Спрут корчился на песке. В его боку зияла огромная дыра, из которой хлестала темная жидкость. Скалы с рисунками раскурочило так, что не осталось даже надежды, что какая-то часть изображений уцелела. Рядом с умирающим кальмаром танцевал Эб.

Маршал подбежал к инспектору. Тот ему ничуть не удивился.

– Вот он, человек с десятью руками, – хихикнул Эб, пиная кальмара. – Легенда моего народа.

В его глазах плясало безумие.

– Зачем? – спросил Маршал, садясь на камень.

– Зачем? А зачем вы, люди с севера, пришли на нашу землю? Зачем вы убивали людей—морских звезд и охотились на нас, как на зверей? Зачем делали из нас чучела для своих музеев? Зачем насиловали наших женщин, а потом еще живыми скармливали их собакам? Резали головы нашим детям, сотнями засаливали их в бочках и отправляли вашим ученым, а они спорили, как назвать этот вид обезьян? Теперь люди—морские звезды ответили. Теперь уже ничто не держит землю, теперь вы все попадаете в небо.

В это мгновение толстое щупальце обвилося вокруг инспектора. Он закричал. Кальмар дернул его к себе. Чудовищный клюв сомкнулся на голове Эба, раскрошив череп. Человек—морская звезда дернулся и затих. Кальмар извивался еще несколько часов, прежде чем испустил дух. Его щупальца рисовали на песке рыб: акул, скатов, мурен и звездочетов. Десятки картинок, смываемых волнами. Маршал даже не пытался оттащить кальмара к воде, в этом уже не было смысла. Он лишь сидел рядом и смотрел на исчезающие страницы книги воды и песка.

К вечеру следующего дня из Хобарта приехал грузовик. Тело кальмара погрузили в цистерну и увезли. Заодно забрали и Эба. Вопросов никто не задавал. Все это время Маршал слушал в машине радио, считая землетрясения, происходящие в разных странах практически одновременно. Когда извержение вулкана уничтожило целый архипелаг в Полинезии, Маршал уже перестал удивляться.

Он взял камеру и вышел на пляж. Отлив был низкий. Отступившее море оставило глубокие лужи и небольшие озерца. Присев на корточки перед одной из ям, Маршал долго всматривался в темную воду. Крошечные серебристые мальки шныряли меж плетей бурых водорослей. Он ждал. Прошел, наверное, час, прежде чем из зарослей морской травы – медленно, с достоинством – выплыл конек-тряпичник. Щелкнул затвор фотоаппарата. Маршал не знал, смогут ли его снимки привести планету в равновесие, но это все, что он мог сделать.

Над головой пронзительно крикнула чайка. Маршал посмотрел вверх и в ослепительном свете солнца увидел парящую птицу.

– Хороший знак, – сказал он себе.

Чайка, кружась, поднималась все выше и выше, а далеко, у горизонта, вода и небо, расплываясь в тонкой дымке, сливались воедино...

## Дмитрий Колодан Отрицательные крабы

Рыба была очень храброй. Или просто глупой – тут уж как посмотреть. Людвиг Планк постучал пальцами по выпуклому стеклу аквариума, тщетно пытаясь привлечь внимание. Рыба игнорировала его с вызывающей наглостью. Вот и сейчас она лишь глянула круглым глазом и с азартом Кусто углубилась в изучение керамических останков игрушечного галеона. Плавнички трепыхались часто, словно крылышки колибри. Это был пузатый тетрадон, рыба-шар, похожая на гибрид батисферы и старенького «нюпора»; на боках даже виднелись опознавательные знаки RAF – красные и синие круги. Должно быть, причастность к Королевским военно-воздушным заставляла рыбу держаться столь надменно и смело. Битые полчаса Людвиг старался нагнать на нее страху: раздувал щеки, пучил глаза, кривил рот, прижимаясь носом к холодному стеклу – и все без толку. Конечно, ужимки и гримасы забавляли дочь, но Людвиг хотел, чтобы Даника подивилась, как тетрадон надует, точно мыльный пузырь.

Круглый аквариум стоял посреди обеденного стола, в окружении солонок, салфетниц, подставок для яиц и прочих кухонных мелочей. Соседство должно было насторожить рыбу – во всяком случае, Людвиг на это рассчитывал. Он бы почувствовал себя крайне неудобно, если бы какой-то великан поставил рядом перечницу. Однако нервы у тетрадонта были железные. Рыба не вздрогнула, даже когда Даника схватила ложку и громко заколотила по столу.

Дочь стояла на стуле, одной рукой опираясь о спинку, и подпрыгивала. Она уже начала скучать и пыталась развлечь себя, как умела: двенадцать месяцев не тот возраст, когда водная фауна увлекает надолго.

– Да, подвел ты нас, приятель, – вздохнул Людвиг и снова постучал по стеклу, уже не рассчитывая растормошить тетрадонта.

Рыба обошла его в четыре сотни. На первый взгляд, сделка казалась удачной, а в итоге выяснилось, что в зоомагазине его облапошили. Подло воспользовались неведением и подсунули бракованный товар.

Даника, похоже, это поняла: рыба с самого начала не вызвала у нее энтузиазма, и дочь оставалась на стуле только из вежливости. Вся в мать – Венди с тем же смирением принимала выходки мужа. Правда, Даника не так часто закатывала глаза.

Субботнее утро заканчивалось, Венди вот-вот должна вернуться из магазина. Стоило об этом подумать, как с улицы донесся автомобильный гудок, а следом – шорох шин по гравии подъездной дорожки. Выглянув в окно, Людвиг увидел красную крышу «орикса». Венди вышла, прихватив бумажный пакет с продуктами, и направилась к дому.

– Вот и мама приехала, – сказал Людвиг, беря дочь на руки. Они вышли в прихожую, когда открылась дверь. Придерживая ее ногой, Венди проскользнула в дом, улыбнулась.

– Привет, – непослушный локон упал на лоб. Венди строго посмотрела на него. Телекинез не сработал. Она подула, но локон упал снова. Даника засмеялась, неумело захлопав в ладоши. Венди показала ей язык, вызвав новую бурю восторга. Куда уж тетрадону! Людвиг сам не смог сдержать улыбки.

Прижимая к груди пакет, Венди прошла на кухню. Людвиг с опаской покосился на бледно-зеленые стебли сельдерея и клубящиеся рядом хлопья цветной капусты – набор не предвещал ничего хорошего. К овощам Людвиг относился с предубеждением. Давно установленный факт – пятьдесят процентов людей ненавидят цветную капусту. При подобном раскладе Людвиг не мог взять в толк, зачем вообще потребовалось ее изобретать? Разве что из-за таинственных витаминов и «неоспоримой полезности» в детском возрасте – хотя Даника воротила нос от разваренной до состояния пюре растительной массы. Человечество, впрочем, падко на бессмысленные изобретения.

– Там еще в машине, – сказала Венди, ставя продукты на стол и забирая дочь. – И чем вы тут занимались?

– Рыбу пугали, – ответил Людвиг.

– Успешно? – жена бросила рассеянный взгляд на аквариум. Людвиг махнул рукой.

– Да ну ее. Какая-то неправильная рыба, бракованная. Надо вернуть ее. Есть ведь закон о замене неисправных товаров...

– А он распространяется на аквариумных рыб? – удивилась Венди.

– На то и закон, – уверенно сказал Людвиг.

Венди с сомнением пожала плечами, но спорить не стала.

Когда Людвиг вернулся с остальными покупками, Венди перекладывала продукты в холодильник. Даника из детского стульчика увлеченно наблюдала за матерью, постигая азы домашнего хозяйства.

– Тебе, кстати, пришла бандероль, – сказала Венди. – Я заскочила на почту за журналами, а она лежит, тебя дожидается. Я забрала, чтобы она не скучала. Посмотри в пакете с апельсинами, а заодно передай их сюда.

– Бандероль? – переспросил Людвиг, подавая жене фрукты.

Он достал пачку глянцевого журналов по цветоводству, благоустройству сада, икебана и акварельной живописи: Венди серьезно подходила к своим увлечениям. Среди прессы Людвиг откопал небольшую коробку.

Посылка была обернута плотной коричневой бумагой, испещренной почтовыми штемпелями и рыжими марками. Людвиг содрал обертку, заранее зная, что под ней скрывается.

Благородный красный цвет вспыхнул ярче огонька рыбы-удильщика. Это был коллекционный вагон игрушечной железной дороги, точная копия того, на котором легендарный цирк Барсума колесил по миру. «Долоко» выпустила тираж в двести штук, из которых полторы сотни даже не поступили в продажу, разошлись среди влиятельных коллекционеров. Писали про одного султана, который заполучил аж четырнадцать вагонов – Людвиг никогда не понимал такой жадности. То, что удалось достать хотя бы один, было несомненной удачей.

Конечно, вагон влетел в порядочную сумму: теперь на год можно забыть об обновлении подвижного состава. Но оно того стоило – вагон был само совершенство. Детализация завораживала: пружины, доски обшивки, стекла и ручки на окнах, даже миниатюрные потеки краски! Поднеся вагон к глазам, Людвиг разглядел крошечные гайки на колесах. Завинчивали их под микроскопом. Про гайки Людвиг прочитал в рекламном проспекте, сам бы он до такого не додумался. На боках вагона пышным желтым шрифтом пылала надпись: «Невероятный цирк Барсума». Все нарисовано вручную – произведение искусства не терпело декалькирования.

– Красивый, – сказала Венди, заглядывая из-за спины.

– В этом вагоне возили настоящую русалку с Фиджи, – согласился Людвиг. – А еще белого слона...

– Альбиноса? – Людвиг усмехнулся.

– Не совсем. Барсум покрасил того, который оказался под рукой.

– Интересный подход к поговоркам, – признала Венди. – А это не пассажирский вагон? Вот окошечки...

– Ну... слону выделили отдельное купе, – сказал Людвиг.

– Надо же, – Венди покачала головой.

Даника, заметив игрушку, вскрикнула, попыталась встать, протягивая руку. К досаде девчушки, страховочные ремни удержали ее на месте. Дочь завертелась в тщетной попытке выбраться из плена.

– Тебе еще рано, – строго сказал Людвиг, пряча вагон за спину. В глазах дочери мелькнуло недоумение. Людвиг поспешил пояснить:

– Там много мелких деталей...

– Это папина игрушка, – сказала Венди. – Тебе не понравится.

В грозном взгляде Даники явственно читалось: «Позвольте мне самой судить!». Выгнувшись, словно Прометей на скале, дочь протестующее взвизгнула.

– Не похоже, что она тебе поверила, – сказал Людвиг.

– Естественно, – развела руками Венди. – Сама не убедится – не успокоится. Сходи лучше проверь, как он работает. А мы займемся обедом...

Венди была права. Как-то Людвиг прочел в «National Geographic» большую статью о белых носорогах. Животные эти обладали фантастическим упорством и шли к намеченной цели, не считаясь с препятствиями, не важно – лев то, баобаб или незадачливый охотник. А годовалый ребенок даст фору любому носорогу. Даника уверенно подбиралась к границе, за которой начинались крики и слезы. Людвиг попятился к двери.

– Кстати, а что на обед? – спросил Людвиг, вспомнив о цветной капусте. – Если тушеные овощи, то я не голоден. Я перекусил, пока ты ездила...

Венди улыбнулась.

– Рыба под грибным соусом. Иди, я позову.

Лаборатория представляла собой деревянный сарай, прилепившийся к задней стене дома. От старости здание покосилось, а широкие доски приобрели цвет сухого асфальта, который, по слухам, притягивает пауков и призраков. Ни тех, ни других пока не наблюдалось, но Людвиг допускал, что рано или поздно они появятся. Быть может, когда прохудится жестяная крыша и тучи с океана начнут заливать сарай осенними дождями. Давно подмечено – привидениям нужна сырость; паукам, наверное, тоже. Но пока можно было спокойно заниматься исследованиями, не отвлекаясь на таинственные шорохи, звон цепей и замогильные крики.

Венди называла лабораторию «детской», хотя Людвиг предпочитал более весомые слова. Впрочем, жена Резерфорда точно так же называла кабинет великого ученого.

В сарае Людвиг создал настоящую железнодорожную страну. Она раскинулась на трех соединенных столах, покрытых газоном из крашеного мха. Посередине возвышалась гора из папье-маше с тремя туннелями, вокруг извивались две речки из эпоксидной смолы. Общее число железнодорожных мостов – девять. Рельсы оплетали столы хитроумной паутиной, столь сложной и плотной, что кое-где между колеями невозможно было поставить и игрушечного деревца. Но три станции обслуживались всего двумя составами. У Людвиг были «Юнион-Пацифик», модель 1903 года, и новенький СТ-2000. Разница почти в сто лет ничуть не смущала: поезда все равно ездили с одинаковой скоростью, а для опытов это было самое главное.

Жену поезда особо не увлекали. Ей больше нравилось склеивать и раскрашивать домики да расставлять пластиковые деревца и аккуратненькие клумбы. По сути, она всю жизнь этим и занималась – склеивала дом, разве что в более крупном масштабе. Про отрицательных крабов Людвиг ей не рассказывал, не хотел пугать. Сложно готовить ужин, зная, что в любую секунду мир может разлететься в калейдоскопическом блеске осколков.

Первого и пока единственного краба Людвиг поймал случайно. Ничего удивительного: все великие открытия совершаются неожиданно, это заложено в их природе. А разговоры о долгой предварительной работе – лишь форма научного кокетства. Ньютон не ждал под деревом, когда на него упадет яблоко.

В то утро Людвиг занимался решением одной забавной математической задачи по теории графов. Проще говоря, пытался провести поезд по всем мостам, не проехав по одному и тому же дважды. То ли он напутал в расчетах, то ли задача и в самом деле не имела решения, но сколько бы Людвиг ни щелкал тумблерами, переключая стрелки, всякий раз приходилось возвращаться к уже пройденному.

Все случилось, когда поезда промчались навстречу друг другу, жужжа, как сердитые шмели. Людвиг на секунду отвлекся, рассчитывая маршрут. Раздался сухой треск, в воздухе

пахнуло электричеством. «Юнион-Пацифик» подскочил на рельсах, завалился на бок, да так и остался лежать, вращая колесами. Людвиг уставился на рухнувший поезд, ожидая, что из электрического моторчика повалит густой дым. За всю историю железнодорожной страны это была первая катастрофа. Второй поезд покатило дальше, а на рельсах остался лежать крошечный краб из голубоватого стекла.

Это была ничем не примечательная поделка, вроде тех, что втридорога продают туристам на побережье. Не меньше десятка подобных стеклянных зверушек – жирафов, рыбок и собачек – стояло у Венди на книжной полке еще в относительной недосыгаемости для Даники; но среди них не водилось членистоногих. Появление краба было необъяснимо. Людвиг, не задумываясь, поставил бы сотню: секунду назад краба здесь не было.

Он взял игрушку, неприятно теплую на ощупь. Выпученные глаза блеснули, словно подмигнув, и Людвиг выронил краба. Закатившись под стол, тот замер, переливаясь в свете электрической лампочки.

Людвигу потребовался почти месяц, чтобы найти объяснение таинственной материализации. Он уже склонялся к тому, что стал свидетелем спонтанного холодного синтеза, однако такая гипотеза не объясняла, почему конечный продукт появился именно в виде стеклянного краба. Остановиться на очередной шутке природы – не самой удачной, гораздо хуже муравьедов, – означало признать себя никудышным исследователем. Людвиг на это пойти не мог.

Подсказка пришла неожиданно, с первым летним номером «Популярной науки». В заглавной статье журнала разбирались некоторые нестыковки в теории относительности. Автором значился кембриджский профессор, нобелевский лауреат, к несчастью, лишенный способности внятно излагать свои мысли. Уже на четвертом абзаце Людвиг заблудился в хитросплетениях терминов и формул, а дочитав, не смог вспомнить, с чего все начиналось. Он вернулся на пару страниц назад и наугад просмотрел один абзац:

*...Поле Дираком было предложено существование ненаблюдаемого моря электронов, обладающих отрицательной энергией. Если выудить из этого моря один электрон, то в результате образуется дырка, принимаемая за положительно заряженный электрон – позитрон. Считается, что эта идея пришла к Дираку во время решения знаменитой задачи с отрицательными рыбами...*

Людвиг захлопнул журнал. Невидимое море и отрицательные рыбы – образ мгновенно пленил его. Было в нем что-то величественное, как на знаменитой фотографии Дэвида Дубиле, где вокруг одинокого аквалангиста кружат тысячи морских щук. Может быть, сейчас рядом с ним тоже плавают рыбы и именно из ненаблюдаемого моря пожаловал краб?

Но в работах Дирака не обнаружилось ни слова о крабах: только отрицательные рыбы и мучительные попытки примирить теорию относительности с квантовой механикой. В итоге, конечно, ученому дали Нобелевскую премию, на пару со Шрёдингером. То, что одному она досталась за несуществующую кошку, а второму – за отрицательных рыб, свидетельствовало только о чувстве юмора Нобелевского комитета.

Пришлось признать: Дирак не довел работу до конца. Глупо погнался за первой ассоциацией. В дальнейшем его ошибку повторил Эшер на знаменитой мозаике из переплетающихся черных и белых рыб. Конечно, картине нельзя отказать в наглядности: художник старательно изобразил пересечение материи и антиматерии. Однако столь плотное наполнение пространства противоречило наблюдаемой гравитации. Даже школьнику ясно, что такое количество невидимой трески абсурдно. И ученый, и художник забыли, что водная фауна не исчерпывается рыбами.

Мысль о прочих отрицательных созданиях, населяющих невидимое море, показалась Людвигу логичной. Она замечательно вписывалась в симметричную картину мироустройства. То, что вместо живого краба ему досталась стеклянная поделка, Людвиг не смутило. В статье, посвященной античастицам, он прочитал, что они являются стабильными величинами

и в пустом пространстве могут существовать бесконечно долго. Чего-чего, а стабильности у игрушки было не отнять. Но если следовать теории, ее столкновение с обычным крабом должно приводить к аннигиляции с колоссальным выходом энергии и образованием пары примитивных созданий. Дафний, быть может. Проще говоря, крабы взорвутся, как Алиса, наглотававшаяся зазеркального молока.

В таком ключе появление краба вселяло нешуточное беспокойство: Людвиг случайно стал обладателем самой мощной бомбы в мире. С ядерной физикой он был знаком поверхностно, но прекрасно понимал: последствия распада даже незначительного членистоногого будут катастрофическими. От города ничего не останется. Людвиг допускал и более страшные сценарии. Вселенная, хотя и выглядит прочной, на деле весьма хрупкая штука. По сравнению с ней Шалтай-Болтай просто верх устойчивости – даже если бы он скакал по стене. Да и королевская рать внимательно присматривала за этим парнем. А кто присмотрит за Вселенной? Достаточно неловкого шага, чтобы мир полетел в тартарары.

Людвиг запер краба в жестяную коробочку из-под леденцов, обмотал скотчем и спрятал среди инструментов в дальнем углу сарая. Если в дом пожалуют положительно заряженные ракообразные, им придется изрядно повозиться, чтобы добраться до своего антипода. Защита, конечно, несовершенная, но лучшей Людвиг придумать не смог.

Оставалось выяснить, как удалось поймать краба. Вышло один раз, может получится и снова. А где гарантии, что в следующий раз чудовищное оружие не попадет в руки какому-нибудь неучу?

Единственным разумным ответом были поезда. Краб появился, когда паровозики пробегали рядом. Очевидно, их взаимодействие и привело к таким неожиданным последствиям.

В глубине души Людвиг был горд. Ученые годами бьются, пытаясь поймать жалкие крупы антиматерии на многокилометровых ускорителях; ему же удалось добиться серьезных результатов куда как с меньшими затратами. Каждой рыбе своя снасть. Ловить сельдь гарпунной пушкой – занятие бессмысленное.

Основательно все обдумав, Людвиг решил, что причина в жужжании и перестуке колес. Звуки приманили краба, как приманивает его сородичей шум прибоя или удары по консервной банке: из-за особого устройства вестибулярного аппарата ракообразные чутко реагируют на ритмические колебания. Проводили даже эксперименты по воздействию на них популярной музыки; в итоге удалось заставить крабов танцевать.

Приманить краба оказалось несложно, а чтобы вытащить, хватило слабого поля, создаваемого парой электромоторчиков. Открытие Людвиг не обрадовало. Игрушечная дорога – уменьшенная копия настоящей, а значит, и там могли появиться отрицательные крабы. А учитывая масштабы, вероятность такого происшествия довольно высока.

Раньше, во времена паровых машин, крабы могли сколько угодно щелкать клешнями в своем ненаблюдаемом море безо всякой надежды оттуда выбраться. Сейчас же, когда появились мощнейшие электродвигатели, все изменилось. Складывалось впечатление, что истинное назначение технического прогресса – не облегчать человечеству жизнь, а свести его в могилу самым извращенным способом. За жалкие сто лет простая поездка в соседний город превратилась в рискованное предприятие. Играть в футбол на минном поле и то безопаснее.

Людвиг не знал статистики железнодорожных аварий, но помнил фотографию острова Рождества, на которой грязный поезд пробирается через колонну мигрирующих красных крабов. Догадывался ли бедняга-машинист, как ему повезло, что он вел старенький дизель? А не за горами тот день, когда ему придется пересечь в электровоз. Вроде бы защитники природы собираются издать закон, запрещающий любые двигатели, загрязняющие атмосферу. Понять их можно, но, как известно, благими намерениями...

У Людвигу оставалось не так много времени, чтобы придумать, как избежать катастрофы. Сидеть сложа руки, пока Вселенная раскачивается на стене, было не в его правилах. Кто-то

должен стать королевской ратью, и хотя Людвиг чувствовал себя так, будто теннисной ракеткой пытался остановить камнепад, отступить он не собирался.

Для начала нужно окончательно разобраться с появлением крабов. Теория теорией, но без экспериментальных фактов грош ей цена. Меж тем попытки повторить опыт не складывались. Людвиг гонял поезда, увеличивал длину составов, и все без толку. Вся надежда на новый вагон. Скрупулезное исполнение максимально приближало эксперимент к реальности. Уж эти-то колеса стучали как настоящие. На секунду Людвиг подумал о султани с четырнадцатью вагонами: кто знает, может, его дорога уже завалена стеклянными крабами? Оставалось надеяться, что это не так.

Людвиг аккуратно поставил вагон на рельсы и закрепил сцепку. Затем сосчитал до пяти и щелкнул трансформатором. Поезд дернулся и пополз вдоль пластикового перрона, набирая скорость. С противоположной станции тронулся другой состав и скрылся за горой. Людвиг перевел стрелки, выводя паровозики на параллельные пути.

Первая встреча прошла без происшествий. Взаимодействие длилось считанные секунды: поезда пронеслись мимо друг друга и ушли на новый круг.

– Ту-ту, – тихо сказал Людвиг по старой привычке. Его всегда огорчало, что игрушечные паровозики не умеют гудеть, и каждый раз он старался им помочь. Раньше Людвиг хотел завести фуражку, как у машиниста, однако отказался от этой мысли. Он исследователь, а Эйнштейн не носил глупых шляп.

Не сбавляя скорости, поезд с новым вагоном проехал мимо станции. На перроне стояли два оловянных солдатики: им снова не удалось уехать. Бедолаги ждали третий месяц, проявляя завидную стойкость. Вот у кого стоило поучиться терпению.

Через минуту поезда опять встретились и снова с нулевым результатом. Людвиг передвинул рычажок, увеличивая скорость. Казалось, с самой границы различного звука доносится ритмичный перестук. И что-то еще... Скрип суставчатых лапок, шорох трущихся панцирей?

Прикусив ноготь мизинца, Людвиг следил взглядом за поездами. Время выписывало такие кренделя, что Эйнштейн зубами бы скрипел от зависти. Людвиг думал – прошло не меньше часа, оказалось – всего двадцать минут. Поезда носились на пределе скорости. Вблизи Людвиг не различал вагоны, все смазывалось в разноцветную ленту.

Вдоль состава пробежала голубоватая молния. Воздух над рельсами сгустился, а сами паровозики точно ползли сквозь варенье. Затаив дыхание, Людвиг наклонился вперед. Воображение живо дорисовало, как, словно всплывая из темных глубин, проступают нечеткие контуры отрицательного краба. Или он появится мгновенно, в ослепительной вспышке?

Дверь сарая оглушительно заскрипела на несмазанных петлях. Людвиг подскочил как ужаленный, оборачиваясь. В светлом прямоугольнике дверного проема стояла жена.

– Я звала, но ты не слышал, – сказала Венди.

Людвиг взглянул на железную дорогу. Поезда разошлись, но на рельсах не осталось никаких признаков стеклянных крабов. Черт! А почти получилось. Должно быть, их вспугнул скрип двери.

– Обедать пора, – напомнила Венди.

Людвиг выключил трансформатор. «Юнион-Пацифик» так и не успел выбраться из туннеля.

– Довел бы хоть до станции, – усмехнулась жена. – У тебя слон остался под горой, как его будут вытаскивать?

– Слон? – переспросил Людвиг, поглощенный своими мыслями. – Какой слон?

– Крашеный, – ответила Венди. – Какой же еще?

Людвиг разгладил вилкой картофельное пюре. Когда площадка стала ровной, зубчиками прочертил четыре аккуратные дорожки. Потом еще четыре, создавая кулинарный аналог



японского сада камней. Говорят, успокаивает, помогает сосредоточиться... Японцы, наверное, очень рассеянный народ, раз придумали столько способов для концентрации внимания. Бонсай, оригами, вычурная каллиграфия и сады камней... Людвиг постарался припомнить другие знаменитые изобретения Страны восходящего солнца, но на ум пришли только караоке да гигантский огнедышащий динозавр.

Подцепив кусочек рыбы, Людвиг положил его в центр композиции и украсил веточкой петрушки.

– Не хочешь есть, так и скажи, – немного обиженно произнесла Венди. – Не надо играть с едой, когда за столом дочь.

– А? Извини, – Людвиг наколот рыбу на вилку, макнул в густое озерцо соуса и отправил в рот, не доведя шедевр до логического завершения. – Задумался... о Японии.

– Надеюсь, не из-за рыбы? – спросила Венди. – Мне сказали – это лосось, да и выглядит она как лосось. Думаешь, фугу?

По лицу Венди было совершенно непонятно, шутит она или нет. Впрочем, как всегда.

– Если она была надута как футбольный мяч, то точно фугу.

– Ну конечно! – обрадовалась Венди. – Фугу ведь тоже рыба-шар. Хотя, судя по нашей рыбе, совсем непросто заставить ее надуться...

Аквариум с тетрадонтом все еще стоял на обеденном столе. Иллюстрация была более чем наглядной.

– Может, фугу перестали надуваться? – продолжала Венди. – И теперь их не отличишь от лосося. Похоже, ты прав – рыба действительно немного горчит...

– Это соус горчит, – заметил Людвиг. – Как ему и положено. Венди покачала головой.

– Думаю, все из-за того, что в океан сливают радиоактивную гадость. Под водой кишмя кишат мутанты. Насмотришься на них и больше ничего не испугаешься.

– Просто наша рыба бракованная. Сегодня же обменяю... Венди подняла руку.

– Не спорь. Час назад я видела в универмаге живого камчатского краба. То есть на ценнике было написано, что это камчатский краб, а на самом деле...

Людвиг насторожился. Рука с вилкой застыла на середине пути, и хвостик петрушки раскачивался зловеще, точно маятник. В появлении краба в магазине не было ничего странного, но Людвиг воспринял это как предзнаменование.

– И кто же это на самом деле?

Жена выдержала паузу и произнесла драматическим шепотом:

– Марсианин.

Никак не ожидая такого поворота событий, Людвиг закашлялся. Рука дернулась, рыба шлепнулась обратно в тарелку.

– Прости, кто?

– Марсианин. Все признаки налицо: десять ног, клешни, жуткие шипы и наросты... И красный, как пески далекой родины.

– Это признаки крабов. На Марсе живут зеленые человечки с гипертрофированным мозгом.

– Кому ты больше веришь, мне или Тиму Бартону? У пришельца был очень внимательный взгляд... Прямо читалось: скоро мы вас поработим, недолго осталось! Известный факт: каждый марсианин рождается с мыслью поработить пару-тройку землян, хотя совершенно не представляет, зачем ему это нужно. Жертвы инстинкта...

Не выдержав, Венди расхохоталась, утирая глаза тыльной стороной ладони. Людвиг тоже засмеялся, но замолчал, опасаясь выдать себя наигранностью. В крабовой угрозе он не видел ничего смешного, но рассказывать об этом жене не стоило. Венди, конечно, не болтушка, но новость, известная одной женщине, известна и ее лучшей подруге, – а там пошло по цепочке.

– Сейчас они готовят вторжение, да, – продолжала Венди, уже не пряча улыбки. – Сидят себе на дне и ставят опыты на рыбах и морских звездах. А люди в своей беспечности поставляют им материалы. Сколько мутантов можно сделать из одной бочки ядерных отходов? Еще они тренируются: ходят маршем и выдают это за миграцию, я по телевизору видела. Одна надежда на енотов-крабоедов.

Людвиг поперхнулся. Жена пыталась изобразить крабовое вторжение иллюстрацией к наивному фантастическому роману, но Людвигу оно представилось жутким, как картины Босха. Марширующие ряды крабов, и каждый – бомба невероятной мощности. Марсиане и мечтать не могли о подобном оружии. Поработить землян? Как бы не так! Если Венди права, и Марс действительно населен крабами, то их истинные цели совсем иные: уничтожить Землю, чтобы не портила вид на звезды. Тут никакие еноты не помогут.

– Кстати, о енотах, – сказала Венди, словно отвечая на его мысли. – В Бернардо будет трехдневная выставка Вебба Гаррисона...

– Вебба Гаррисона? – нахмурился Людвиг.

– Художник-анималист, – пояснила Венди. – В «АртВестнике» напечатали рекламу и пару репродукций. Думаю, стоит сходить...

– Погоди, выставка же в Бернардо, а не у нас. Венди дернула плечом.

– И что? Шесть часов на поезде – зато не буду всю жизнь жалеть, что пропустила.

Людвиг замер. Тревожный колокольчик тихо звякнул на краю сознания, а потом разразился громогласным набатом. Шесть часов на поезде... Сквозь невидимое море, полное отрицательных крабов. Проклятье! Не знай он об угрозе, все бы было в порядке. Можно сколько угодно ходить по краю пропасти, пока не подозреваешь о ее существовании. Но стоит крикнуть: «Осторожно!» – твердой почвы как не бывало.

– Ну, покажи своего Гаррисона, – сказал Людвиг нарочито небрежно.

Венди внимательно посмотрела мужу в глаза. Сделав вид, что заинтересовался содержимым тарелки, Людвиг отвел взгляд. Потыкал вилкой пюре, провел глубокую дорожку, пуская ручеек соуса в обход рыбной скалы... Когда он поднял голову, Венди все еще глядела на него.

– Смотри, – сказала она, растягивая слово, словно в нем спрятался с десяток смыслов и значений. Передала журнал, заложив страницу пальцем.

Людвиг взял его осторожно, словно боялся, что животные с репродукции укусят за палец. На картинке печального вида енот выглядывал из рабочего башмака. Зверю явно не нравилось позировать, но воспринимал он это с несвойственным для животных смирением.

Людвиг придал лицу кислое выражение. Ему никогда не удавались обходные маневры, но попытаться стоило.

– По-моему, ничего выдающегося. По стилю тот же Роквел, только вместо девиц опоссумы да еноты. Ну, сама подумай: что за искусство – енот сидит в дырявом башмаке, ха! – смех прозвучал, словно галка каркнула.

– А мне нравится, – сказала Венди, и Людвиг понял, что возразить нечего. Есть совсем расхотелось, и он отодвинул тарелку.

– Ну что ты обижаешься? – примиряюще сказала жена. – Сам подумай, до каких пор анималисты должны слепо копировать Дюрера?

– Эдвард Лир не копировал Дюрера... во всяком случае, в картинках к стихам. Но это не помешало ему прослыть лучшим анималистом своего времени и учить королеву Викторию рисовать.

– Так в чем дело? Людвиг глубоко вздохнул.

– Обязательно ехать на поезде? Почему нельзя взять машину или поехать на автобусе?

Венди грустно покачала головой.

– Не вариант. Автобус не выдержу ни я, ни Даника. Чем тебя не устраивает поезд? Быстро и дешево, а главное – не укачивает.

– Знаешь, сколько железнодорожных катастроф происходит каждый день?

– Понятия не имею, – сказала Венди. – Но точно знаю, что автомобильных – на порядок больше. Если верить статистике, поездка на машине не далека от самоубийства... С чего вдруг такая поездобоязнь? Ты же любишь поезда.

– У меня поезд сошел с рельсов, – буркнул Людвиг. Венди прыснула от смеха.

– О да, – согласилась она. – Не иначе как высшие силы решили послать знак. Оставь ты эту ерунду – нет ничего глупее, чем искать тайные смыслы. Совпадения на то и совпадения, что не значат ровным счетом ничего. Успокойся, все будет в порядке.

– Конечно, – Людвиг выдавил улыбку. На краю сознания скреблись невидимые крабы.

За годы супружества Людвиг твердо усвоил одно: если жена что-то решила, переубедить ее нельзя. Раз уж она собралась ехать на поезде, значит, так оно и будет. Людвиг подозревал, что если бы он пошел на крайние меры и запер их с Даникой в спальне на втором этаже, Венди бы и это не остановило. Сбежала бы, связав лестницу из разрезанной на полосы простыни. Очень аккуратную лестницу.

Все, что он мог, это попытаться остановить крабов; выяснить, как прогнать их от поезда. Беда в том, что человечество за всю свою историю ни разу не задумывалось над вопросом отпугивания крабов – его больше интересовало, как их приманить, желательно уже готовых к употреблению, с рисом, зеленью и соевым соусом.

После обеда Людвиг битый час слонялся по дому, пытаясь найти выход. Но мысли разбежались, как пугливые мыши. Мерный перестук башенных часов в гостиной напоминал о железной дороге. Кукушка, выскочившая отрапортовать о новом часе, прокричала глумливое «ту-ту». Эйнштейн сто раз прав насчет относительности времени. Сонные сутки летней субботы и сутки до того, как чудовищный взрыв разнесет поезд, на котором едут любимая жена и дочь, – совершенно разные сутки. Выглядывая в окно, Людвиг видел Данику, играющую на заднем дворе с пирамидкой из разноцветных колец. Рядом в плетеном кресле сидела Венди и листала журнал; легкий бриз колыхал ленты на соломенной шляпке. Почти пастораль, но Людвиг в кровь сгрыз ногти.

Чтобы успокоиться, он решил съездить в зоомагазин. Аквариум Людвиг поставил на переднее сиденье, на всякий случай пристегнув ремнем безопасности. Кто знает, какие правила распространяются на рыб. Не хватало еще лишиться прав из-за подобной глупости.

Ехать все равно пришлось медленно, иначе вода бы расплескалась. Кроме того, Людвиг сделал изрядный крюк – вместо центральной улицы проехался вдоль окраины, по узеньким аллеям, у которых вместо названий были лишь номера. Вдоль обочины стояли похожие как две капли воды белые домики с неизменной красной черепицей и аккуратно подстриженными лужайками. Изредка встречались добропорядочные отцы семейств, как на подбор лысоватые, полные и в клетчатых рубашках. Перед каждым стояла новенькая блестящая жаровня, прямо из каталога заказов. Людвиг старался не смотреть по сторонам, уставившись в воображаемую точку метрах в пяти впереди машины. Главное, чтобы они не начали махать и скалиться в улыбках – верный признак того, что дело плохо. Сколько фильмов ужасов начинается с подобной идиллии? Людвиг поймал себя на том, что опять ищет дурные знаки там, где их нет и в помине.

Он свернул на Сосновую улицу, проехал два квартала и ударил по тормозам. Из-за вишневых деревьев красный краб размером с небольшой автомобиль махал увесистой клешней. Чудовище то ли приветствовало, то ли подзывало на пару слов. Людвиг запоздало понял, что принял за монстра вывеску морского ресторанчика. Можно было догадаться: настоящие крабы не носят капитанских фуражек.

Перегнувшись через руль, Людвиг уставился на вывеску. Ничего особенного: крашеная фанера да электрические гирлянды. Единственная подвижная клешня вращалась на выпуклом шарнире, к ней прилепилась пара рыбок из гнутых неоновых трубок.

Людвиг вздохнул. Вселенная определенно решила свести его с ума, подсовывая крабов в самых неожиданных местах. Нервы того и гляди лопнут. Можно уже набирать номер лечебницы: Людвиг не сомневался, там его примут с распростертыми объятиями. С другой стороны, на то он и исследователь, чтобы подмечать мельчайшие детали. Один-два краба – еще случайность, третий – уже закономерность.

Раздался протестующий гудок; в зеркальце Людвиг увидел груженный досками пикап, которому он перегородил дорогу: ширина улицы не позволяла разминуться. Людвиг проехал вперед, и вывеска скрылась за деревьями. Когда он снова ее увидел, взгляду предстал неприглядный задник – вздувшаяся фанера да серое дерево.

В магазин он успел за полчаса до закрытия. Посетителей не было, а продавщица лет пятидесяти, полная женщина в очках, собиралась уходить. Высыпав на прилавок содержимое своей сумочки, она с пугающей методичностью раскладывала пудреницы, тюбики губной помады и прочие хитроумные приспособления, призванные обмануть время. Двигаться с околосветовыми скоростями она вряд ли догадывалась.

– Вот, – заявил Людвиг, ставя аквариум на прилавок. Продавщица еле успела отодвинуть баночки и тюбики.

– Простите? – она сделала вид, что не догадывается о целях визита Людвиг. За ее спиной в пыльных аквариумах копошились противные на вид белые мыши и морские свинки. Коричневая игуана грелась под раскаленной лампой.

– Вы продали мне бракованную рыбу, – с вызовом сказал Людвиг. – Я мог бы сразу обратиться в суд, но решил пойти вам навстречу...

Продавщица сняла очки и склонилась над аквариумом. Она щурилась и морщила нос, словно недовольный грызун.

– И что не так? – наконец спросила она.

– Вы посмотрите, – Людвиг нагнулся к аквариуму, и, выпучив глаза, громко выкрикнул: – Бу!

Продавщица отпрянула, будто ее ударило током. По широкому лицу пробежал испуг, мешаясь с недоумением и отзываясь дрожью в дряблом подбородке. Часто моргая, она уставилась на Людвиг.

– Что вы делаете! – сказала она, запинаясь. – У меня слабое сердце!

В подтверждение продавщица схватилась за грудь, но Людвиг отступать не собирался. Тетрадонт парил над корабликом, и было очевидно: ничто в мире не в силах нарушить его спокойствия.

– Вот! Видите? – Людвиг ткнул пальцем в аквариум. – Вы испугались, а ему хоть бы что!

– Я не поняла... – начала продавщица, но Людвиг было уже не остановить.

– Это рыба-шар, она обязана надуваться, когда испугается. Однако она этого не делает. Вы подсунули мне крашеного слона!

Продавщица хмыкнула.

– А доставать не пробовали?

Взяв из-под прилавка сачок, она ловко подцепила рыбку и вытащила из воды. Тетрадонт протестующее пискнул и часто захлопал ртом, заглатывая воздух. Белесое брюшко вздулось, словно внутри вырос мячик для пинг-понга, голова и хвост оттопырились. Шаром рыбу мог назвать только человек, начисто лишенный представлений о стереометрии.

– Довольны?

Людвиг смущенно отступил. Как он сразу не догадался: внутри должен быть воздух? Исследователь называется... Пугай – не пугай, а водой рыба не надуется. Все равно что надувать мыльные пузыри из поливального шланга.

Продавщица опустила сачок обратно в аквариум. Тетрадонт некоторое время лежал на поверхности, затем сдулся и погрузился, как батискаф. Иллюминаторами сверкнули выпученные глазки.

Поездка обернулась фарсом – только выставил себя полным неучем. Хотя на лице продавщицы и застыла вежливая гримаса, Людвиг видел, что в глубине души она потешается над ним. Бормоча невразумительные извинения, Людвиг взял аквариум и попятился к выходу.

– Ничего покупать не собираетесь? – строго спросила продавщица. – Водоросли, корм для рыбы? Тетрадонты предпочитают живой корм, особенно улиток. У вас дома достаточно улиток? А дафнии для прикорма?

– Нет... – Сказать по правде, в холодильнике лежала упаковка мороженных французских улиток в чесночном соусе. Третий месяц Людвиг не решался попробовать деликатес, но делить его с рыбой не собирался. – Я, пожалуй, возьму немного, а еще...

Он оглядел прилавок. Нужно купить еще что-нибудь, задобрить продавщицу. Если повезет, она больше не вспомнит о его конфузе; иначе – будет посмеиваться всякий раз, когда Людвигу придется заходить в магазин.

Взгляд упал на выстроившиеся у кассы тюбики с мыльными пузырями. Глупая безделушка, рассчитанная успокоить разбушевавшихся детей, которым не купили говорящего попугая или пушистого кролика.

– А еще две банки мыльных пузырей, – сказал Людвиг. – Для дочери.

Он замолчал, сообразив, что нет никакого смысла оправдываться. Взрослые имеют глупую привычку стесняться, покупая игрушки. В играх нет ничего предосудительного, но, по словам Уайльда, «как важно быть серьезным». А в итоге все выливается в нелепые отговорки, якобы способные объяснить, зачем человеку на третьем десятке потребовался набор оловянных солдатиков и игрушечный поезд. Дети, племянники, внуки – не более чем ширма, Людвиг это знал точно.

Уголки губ продавщицы чуть дернулись – пузыри напомнили ей о рыбе-шаре. Людвиг мысленно отругал себя за неудачный выбор. Захватив покупки, он поспешил выйти из магазина.

Солнце катилось по дальним крышам, окрашивая черепицу и жечь багряным золотом. Пора было возвращаться, но Людвиг решил заскочить в рыбный ресторанчик. Особой нужды в этом не было: дома ждал сытный ужин, а Венди готовила так, как не снилось лучшим поварам. Поездка в крабовый ресторан была скорее бравадой. Так дети идут посреди ночи на кладбище или в заброшенный дом: доказать друзьям и себе, что не боятся привидений и мертвецов. Антиматерия антиматерией, бомбы бомбами, но всему должен быть предел. Не считая его сарая, в этом ресторанчике – самая большая концентрация крабов в городе, но там научились с ними справляться. Венди была права, когда говорила про енотов-крабоедов. Подумав о енотах, Людвиг вспомнил, что времени на поиски почти не осталось. Вселенские часы оглушительно тикали, и адская машина была готова разнести мир в клочья. Даже если не мир, а всего один поезд – суть не менялась.

Людвиг выехал на Сосновую, когда прогремел взрыв.

Столб ярко-рыжего пламени взметнулся в небо, прямой, точно прицельный удар из космоса. Если бы из-за деревьев показался марсианский треножник, Людвиг не удивился бы. Он вдавил в пол педаль тормоза. Пронзительно заверещав, «орикс» крутанулся на месте и чиркнул задним крылом о бордюр. Людвиг швырнуло на руль. Удар пришелся в солнечное сплетение и верхнюю губу. Из легких точно выбили весь воздух; струйка крови поползла по лицу.

Пламя плясало за кронами деревьев. Сквозь густую листву пробивались оранжевые отсветы, жуткие в своей неестественности. Огонь съежился и почернел, затерявшись в клубках маслянистого дыма. Людвиг с ужасом понял: горит ресторан. Только он об этом подумал, как громыхнул еще один взрыв. На дорогу, вращаясь, вылетел кусок фанеры и рухнул у капота – клешня с вывески: даже погибая, краб пытался до него дотянуться!

Людвиг выругался. Если бы он ехал чуть быстрее... Если бы не задержался в магазине, покупая мыльные пузыри! Они спасли ему жизнь. Людвиг хихикнул, провел по лицу рукавом, размазывая кровь.

Нервный смех уступил место панике: в ресторанчике наверняка полно посетителей, не говоря о поварах, официантах и подсобных рабочих. Людвиг выскочил из машины и бегом бросился к полыхающему зданию, не представляя, чем может помочь, но зная, что должен предпринять хоть что-то.

Навстречу, воя как выпь, вылетела пожарная машина. Секундой позже промчалась «скорая». Объятый пламенем краб накренился вперед, качнулся и рухнул на стоянку, рассыпая искры. Перед кафе стояло минимум шесть автомобилей, и пожарные заливали их хлопьями пены во избежание новых взрывов. Кого-то пронесли на носилках – толстая медсестра едва поспевала с капельницей.

Из-за поворота вырвалась черная полицейская машина и устремилась прямо на Людвига. Затормозила в последний момент, разворачиваясь боком и перегораживая дорогу. Сполохи мигалки ударили по глазам. Людвиг остановился, стукнувшись коленом о крыло. Чтобы устоять, пришлось схватиться за зеркало. Из машины выскочил коренастый полицейский и грубо оттолкнул Людвига.

– Куда?! Жить надоело?!

– Я думал помочь...

– Вот и не путайтесь под ногами!

– Но...

– Ваша машина?! – полицейский указал на «орикс». – Чтоб через секунду не было!

Людвиг мысленно хлопнул себя по лбу. Идиот! Бросил машину посреди дороги, не подумав о том, что «скорой» надо уезжать. На узкой Сосновой это равносильно преступлению. Он вернулся бегом.

Забравшись на сиденье, Людвиг дернул рычаг переключения передач, давая задний ход. Мотор взревел, Людвиг резко отпустил сцепление, развернулся к Центральной. Мимо, надрываясь сиренами, проехали две «скорые».

Людвиг не помнил, как добрался до дома. Машину он вел на автомате, совершенно не следя за дорогой; чудом не попал в аварию.

Взрыву не было никаких разумных объяснений. Бандиты, террористы – на кой черт им сдалось кафе в крошечном прибрежном городке? Единственным вариантом была спонтанная аннигиляция.

Фактически, взрыв подтвердил его теорию. В одном китайском ресторанчике он видел, как повара работают с рыбой и морепродуктами. Тогда его еще позабавило, до чего быстрый стук ножей по разделочным доскам похож на звуки несущегося поезда. Сейчас он понимал, насколько был прав – сходства оказалось достаточно, чтобы подманить отрицательного краба. Нужное электрическое поле обеспечила пара микроволновок.

Странно, что взрыв не случился раньше. Видимо, на появление крабов влиял неучтенный фактор. Магнитные бури, вспышки на солнце, силы Кориолиса?

На ум пришла строчка из детского стихотворения, которое Людвиг читал Данике: «Краб, не зная почему, любит полную луну». Полная луна... Она может влиять на отрицательных крабов. Лунный свет – отражение солнечного. Может, причина в отраженных под определенным углом фотонах? Луна, как опытный теннисист, посылает на землю хитро закрученные

мячики элементарных частиц, и эта энергия выманивает крабов? Бомбардировка невидимого моря странными фотонами... Подобными методами пользуются в физических лабораториях, получая новые бозоны и мезоны и щелкая Нобелевские премии, как семечки. А если метод работает с элементарными частицами, он, возможно, применим и к крабам.

Впрочем, дело могло быть в обычной гравитации, силе приливов и отливов. Невидимое море могло подчиняться этим законам, вздымаясь на зов Луны и вынося к поверхности своих загадочных обитателей. Лунного календаря под рукой не было, но, кажется, вчера действительно сияла полная луна, яркая, как свежееотчеканенная монетка. Или это шутка воображения и всю ночь небо было затянуто плотными тучами?

Он не стал заводить машину в гараж, да и забрать тетрадонта не было сил. Людвиг поднялся на крыльцо и долго возился с ключами, прежде чем понял, что дверь не заперта.

Держа дочь на руках, Венди вышла в прихожую. Она хмурилась, но стоило ей увидеть мужа, как на лице отразились испуг и беспокойство.

– Что случилось? – даже Даника напугалась: посмотрев на отца, она скусилась, готовая вот-вот разреветься.

Людвиг краем глаза глянул в зеркало. Вид ужасный – бледный как смерть, щека вымазана засохшей кровью и сажей, круги под глазами. Встретил бы себя на улице – не задумываясь подал бы монетку.

– Взрыв, – выдохнул он. – Ресторан на Сосновой...

– Ты был там?! С тобой ничего...

– Проезжал рядом, – поспешил успокоить жену Людвиг. – Ничего страшного...

Не выдержав, он сел на тумбочку в прихожей. Слабость прокатилась ледяной волной; задрожали руки. Венди опустила дочь на пол и присела на корточки. Обняв мужа за колени, она долго смотрела на него.

– Огонь был выше деревьев, – наконец сказал Людвиг. – Я никогда не видел столько пламени...

– Взрыв газа, – сказала Венди. – Сообщили по радио. Списки пострадавших уточняются. Страшное дело: субботний вечер...

– А потом приехали пожарные, врачи, полицейские. Я хотел помочь, а мне сказали – не путайся под ногами.

– Тебе нужно отдохнуть и успокоиться, – сказала Венди. – Был тяжелый день. Давай-ка ужинай и отправляйся спать.

Людвиг вяло кивнул.

– Там в машине аквариум и...

Венди приложила палец к губам.

– Умойся и иди на кухню. Я все заберу и сделаю, договорились?

– Спасибо, я... – хотелось крикнуть, чтобы она ни в коем случае не садилась на поезд. Особенно сейчас, когда крабы близко, когда полная луна вздымает отрицательное море в невидимом приливе, а вселенский эфир под завязку наполнили неправильные фотоны; когда самое обычное кафе готово взлететь на воздух... Взрыв газа! Да что они понимают! Никакие еноты и башмаки не стоят такой цены. Однако он промолчал.

Ужин показался сухим и безвкусным. Битых полчаса Людвиг ковырялся вилкой в куриной ножке и гонял горошины. В итоге Венди забрала тарелку и прогнала его в спальню.

Под одеялом было жарко. Задыхаясь, Людвиг барахтался на скомканной простыне, пытаясь как можно глубже нырнуть в призрачный мир сновидений. Но сна ему не досталось – так, волчья дрема. Людвиг отчетливо понимал, что может открыть глаза, слышал рядом ровное

дыхание Венди. И в то же время в реальность вплетались таинственные и болезненно яркие образы.

Гремя колесами, новенький СТ-2000 несся по зеленой равнине. Вдалеке виднелась одинокая гора. Людвиг не мог видеть, но точно знал – сквозь скалу прорублено три туннеля. Такая расточительность (кроме горы в округе не было ни одной заметной возвышенности) не казалась чем-то неправильным и странным. Математика сновидений проста: раз есть гора и есть поезд, значит, имеются и туннели. Людвиг знал, что на поезде едут Венди и Даника.

Откуда взялся краб, Людвиг не понял. Пурпурное чудовище возникло рядом с поездом, покачиваясь на суставчатых лапках и потрясая клешнями. Глаза на стебельках безостановочно двигались. На крабе была капитанская фуражка, но это не выглядело ни удивительным, ни смешным. Краб рос – только что был с автомобиль, потом с дом, а спустя мгновение оказался настолько огромным, что на его фоне поезд выглядел игрушечной моделью.

Людвиг понял, что если переключить тумблер, то поезд поедет гораздо быстрее, и тогда никакой краб его не догонит. Трансформатор лежал под ногами, но когда Людвиг поднял его, оказалось, что провода вырваны с корнем. Отбросив бесполезную коробку, Людвиг побежал к поезду, размахивая руками, чтобы хоть на мгновение отвлечь внимание краба.

Бугристая клешня вцепилась в вагон, вырвала его из состава. Поезд вспыхнул, как спичка, расцвел рыжими лепестками пламени. Краб пару раз потряхнул вагон, и тот громко зашуршал, словно жестяная банка с рисом. Они там, в вагоне... Людвиг прибавил ходу, глотая на бегу воздух, и понял, что надувается, точно вытасченный из воды тетрадон. Чудовище следило за ним взглядом, не переставая трясти своей погремушкой. Вокруг толстой, как ствол старого дуба, ноги краба суежилась давешняя медсестра с капельницей. Людвиг оторвался от земли, и ветер погнал его в сторону... Вскрикнув, Людвиг открыл глаза.

Сквозь щель в занавесках луна заливала спальню серебристо-молочным светом. «Полная», – механически отметил Людвиг. По темному, как чернила каракатицы, небу расплескались ослепительные звезды. Он не разбирался в сплетениях созвездий, но, похоже, мутное пятно справа от обрезанной занавеской луны – Крабовидная туманность. Вроде просто скопление космического газа, а по сути – жуткое напоминание о нависшей угрозе. Духота уступила место пронизывающему холоду. Зыбкий лунный свет будто вытягивал частички тепла.

Людвиг повернулся на бок и неловко задел жену. Венди заворочалась.

– Не спишь? – прошептала она. Ее глаза влажно блеснули в темноте комнаты.

Людвиг покачал головой.

– Да у тебя жар, – сказала Венди, коснувшись его лба кончиками пальцев. Она приподнялась на локте. – Кошмар?

– Да. Что-то вроде... – Людвиг сел на кровати. Его бил озноб, капля холодного пота сползла между лопатками. Перед глазами еще стояли краб, клацающий чудовищными клешнями, и искореженный вагон. Сейчас казалось, из поезда доносились истошные вопли. Но он ничего не смог сделать...

– Принести воды?

– Проклятье, мне холодно! – выкрикнул Людвиг. Венди вздрогнула, и Людвиг отвел взгляд.

– Прости, – сказал он. – Мне нужно подышать свежим воздухом.

– Хорошо, – кивнула Венди.

Просто сон... Игры подсознания, нелепый коктейль из переживаний и событий прошедшего дня. Ничего же не случилось: Венди рядом, Даника спит в кроватке. Тут Людвиг вспомнил о взрыве в кафе. Случилось. И если он не сможет это остановить, случится снова.

Людвиг встал, натянул джинсы и свитер, вздрогнув от уколов колючей шерсти. Он должен работать. Нельзя терять ни минуты: он не имеет права тратить время на сон. Слишком многое поставлено на карту.



Венди сидела, укрывшись одеялом, и молча смотрела на его сборы. Небось думает, что муж повредился умом и пора вызывать врача. Быть может, она и права, но если б она знала!

– Все будет хорошо, – пообещал он. Венди грустно улыбнулась в ответ.

Громко жужжа, игрушечные поезда носились по просторам крошечной страны. Освещенная лунным светом железная дорога ожила: Людвиг то и дело примечал краем глаза движение, но это были не крабы. Уставшие оловянные солдатики разминали ноги, а пластиковые коровы незаметно щипали искусственную траву. Игра воображения, глупые шуточки усталого мозга.

Он давно потерял счет времени. Ночь отступала, и в щели между досками пробирались первые лоскутки утреннего тумана. Людвиг продрог до костей, – через пару дней сляжет с простудой. Если у Вселенной будет эта пара дней. Голова раскалывалась, черепную коробку словно набили липкой сахарной ватой. Любые мысли путались в ней и пробирались не быстрее улитки.

Сколько он ни старался, опыты не принесли никакого результата. Не было ни молний, ни вспышек, ни, на худой конец, обычных искр. Крабы попрятались в свои невидимые норы и упрямо не хотели вылезать. А ведь все условия на месте – стук колес, электрическое поле и свет полной луны. Людвиг был на грани отчаяния. Прав был Гераклит, сравнив время с рекой. А он, не вняв разумному совету, пытается остановить поток решетом. Вместо того, чтобы оставить бесплодные опыты и заняться поисками другого решения, продолжает гонять поезда. Людвиг готов был схватить топор и разнести железную дорогу на куски. Ему стоило больших усилий держать себя в руках и продолжать эксперимент.

– Ту-ту...

Дверь сарая тихо скрипнула. Подскочив от неожиданности, Людвиг обернулся. Он бы не удивился, если бы увидел гигантского краба, но на пороге стояла Венди в одной ночной рубашке.

– Ты здесь? – Не дожидаясь ответа, она прошла в сарай и остановилась рядом с железной дорогой. Некоторое время молча смотрела на носящиеся по кругу поезда. – Ты как?

Людвиг пожал плечами. Можно соврать, мол, все в порядке, однако Венди слишком давно его знает. Поезда жужжали, но было ясно, что опыт провалился.

– Я хочу знать, что происходит, – сказала Венди. – Я не слепая. Дело не только во взрыве, ведь так? Я понимаю, подобное любого выведет из равновесия, но на тебе лица нет...

Прикусив губу, Людвиг некоторое время обдумывал ситуацию. Наконец он кивнул. Пройдя в угол сарая, откопал коробочку со стеклянным крабом. Потребовалось время, чтобы снять скотч – клейкая лента упорно не хотела отдираться и липла к пальцам. На одно жуткое мгновение представилось, что коробочка пуста и краб исчезнет, точно шрёдингеровская кошка. Но стеклянная поделка оказалась на месте.

– Вот, – выдохнул Людвиг, демонстрируя жене свое таинственное и страшное сокровище. Венди склонилась над коробочкой, затем взяла краба, повертела в пальцах. Голубоватое стекло переливалось в лунном свете.

– Симпатичный, – сказала жена. В стеклянных зверушках она знала толк. – Я ожидала более жутких скелетов...

– Куда уж страшнее? – сказал Людвиг, забирая у нее краба. – Внешность обманчива, самые опасные вещи выглядят мило и безобидно. Закон природы...

Он глубоко вздохнул и пересказал Венди всю крабовую эпопею. Жена ежилась от холода, но слушала внимательно, не перебивая.

– Вот видишь, – подвел итог Людвиг. – Вселенная трещит по швам. Взрыв в кафе – начало. А поездка на поезде в Бернардо? Безопаснее слетать куда-нибудь на ракете с ядерной боеголовкой. Еноты и башмаки того не стоят.

Венди некоторое время молчала, обдумывая его рассказ.

– Помнишь у Лира? – наконец сказала она:

Один Старичок из Уэста  
Гулял у причала с Невестой,  
Мимо краб пробежал,  
Старичка напугал:  
Он с тех пор ни ногою в то место.

Людвиг криво усмехнулся. Поэт жил задолго до того, как Дирак открыл невидимое море, однако уже тогда понял исходящую от крабов угрозу. Говорят, люди искусства тоньше чувствуют мир, и в этом было разумное зерно. Джойс, в конце концов, предсказал существование кварков раньше ученых.

– Искать смысл в бессмысленных стихах глупо, – продолжила Венди. – Но все же... Испугались и убежали, как портняжки от улитки. У страха глаза велики, но разве это повод больше не гулять по берегу?

– Нет, но...

Венди остановила его взмахом руки.

– В твоей науке я ничего не понимаю, но сам подумай: если ты прав, то рестораны с морской кухней должны взрываться через день. Япония давно взлетела бы на воздух... Уж там-то крабов, поездов и электроприборов как нигде в мире. Однако, если верить новостям, Токио ничего не угрожает.

– Ну, есть еще другие факторы, – возмутился Людвиг. Восхитительно стройная теория громко трещала, налетев на рифы экспериментальных фактов. Людвиг забарахтался, выискивая разумное объяснение несоответствию. – Наверное, крабы боятся японцев? Там столетиями только и делали, что ели крабов. Вот и выработался рефлекс.

– Вот чем мне нравится научный подход, – сказала Венди. – Для всего найдется убедительное объяснение.

Людвиг смотрел на носящиеся поезда. Он уже не надеялся на синие молнии и искры и все равно ждал, что краб вот-вот появится, привлеченный жужжанием и светом луны.

– Знаешь, у меня такое чувство, что я строю замок из песка во время шторма. Стараешься, лепишь башенки и балконы, возводишь крепкие стены, прорываешь ров. И знаешь ведь, что накатит волна и не останется ни балконов, ни башенок. Песчаные стены не остановят цунами... Вселенная ползет к катастрофе с упрямством осла, и ее не удержать. Сколько не воюй с термодинамикой, черт бы ее побрал, со вселенской энтропией, все без толку. Солнце остывает, звезды сжимаются, галактики разбегаются, как тараканы, пространство завязывается в узлы. Темная материя, искажения гравитации, – мало, что ли? А тут еще эти крабы... Что прикажешь делать? Венди пожала плечами.

– Продолжать строить песчаный замок. Если постараться, получается очень красиво. А бояться просто и скучно. Нет ничего легче, чем запереться в четырех стенах, жалеть себя и ждать, когда все рухнет. Ну, а если рухнет, значит надо начинать сначала. Иначе – всхлип и пепел на рукаве старика...

Немного подумав, она неожиданно предложила:

– Давай съездим к тому ресторанчику? Может, там найдется ответ на твою крабовую загадку?

Людвиг вздрогнул. Как он не сообразил! Именно во взорвавшемся кафе крабы проявили себя во всей красе. Конечно, пожарные уничтожили большую часть улики, но что-то должно остаться.

– Прямо сейчас? – переспросил он, заранее зная: ждать до утра не сможет.

– Только надену что-нибудь потеплее и попримечнее, – сказала Венди.

Спустя десять минут Венди вышла к машине. Ярко-желтая ветровка с капюшоном почти светилась, точно вымазанная флуоресцентной краской. Людвиг тихо выругался – неужели не нашлось ничего менее заметного? В конспирации жена ничего не смыслила.

Он уже весь извелся, ерзая на переднем сиденье. Людвиг несколько раз включал радио, но из динамиков доносился лишь треск помех. Коробочка с крабом стояла на приборном щитке: Людвиг решил захватить ее с собой, но смотрел, как на спящую гадюку, способную в любой момент проснуться и ужалить.

– У нас есть часа полтора, – сказала Венди, садясь в машину. – Пока дочь не проснулась.

Съехав с подъездной дорожки, Людвиг развернулся и включил фары, осветив пустынную улицу. Мотор тихо рявкнул, машина направилась к Сосновой.

– Что это? – вдруг спросила Венди.

Покрутившись на сиденье, она достала мыльные пузыри, о которых Людвиг и думать забыл.

– Купил в зоомагазине, – пояснил он.

– Смотри-ка, – усмехнулась Венди и вслух прочитала надпись на этикетке, стараясь передать истеричный пафос, свойственный многим защитникам природы:

*Покупая эти пузыри, вы помогаете спасти красного краба на островах Тихого океана!*

*Каждый год во время миграций миллионы красных крабов гибнут под колесами автомобилей и поездов! Каждый год незаконно вылавливаются тонны крабов, панцири которых идут на производство дешевых удобрений! В ближайшем будущем мы можем окончательно лишиться этих поразительных созданий! Люди, одумайтесь!*

*Часть средств от продажи этих пузырей пойдет на создание крабового заповедника и миграционных коридоров. СПАСЕМ КРАБА ВМЕСТЕ!*

Людвиг вздрогнул. Предчувствие слизнем заворочалось в груди. Вселенная упрямо продолжала кричать ему о крабах, выбирая самые неожиданные методы. Впрочем, Венди была настроена более легкомысленно.

– Не такие они опасные, твои крабы, раз для их спасения потребовались мыльные пузыри...

Она встряхнула флакон, отвинтила крышку. Немного помедлив, выдула пузырь размером с кулак. Едва ли стоило делать это внутри машины, но Людвиг знал свою жену – она не могла противиться искушению. В свете автомобильной лампочки по тонкой пленке расползались оранжевые отблески, напомнившие Людвигу о пожаре.

– Мыльная пленка считается одной из прочнейших вещей во Вселенной. Поверхностное натяжение...

– Неужели? – Венди ткнула в пузырь пальцем. – Ничто так не хрупко, как самые прочные вещи. И в тоже время...

Закончить она не успела. Фары высветили ползущего по разделительной полосе краба величиной с блюдце. Людвиг едва успел среагировать. Машина рванулась к обочине, чиркнула боком по бордюрному камню и остановилась. Венди швырнуло вперед, содержимое флакона с пузырями выплеснулось ей на джинсы. Хорошо еще догадалась пристегнуться, иначе бы ударила лбом о приборную панель.

– Ты чего? – выдохнула она испуганно и удивленно.

Людвиг сдал назад, мечтая, чтобы никаких крабов не было. Ему почудилось, галлюцинации на нервной почве... Краб по-прежнему сидел на разделительной полосе. Крупные клешни подняты над головой, а сам замер, точно взломщик, застуканный на месте преступления.

Вспотевшие ладони скользили по пластику руля. Воздух сгустился, каждый вдох требовал усилий. Температура в салоне упала на пару градусов, несмотря на гудящий обогреватель.

Людвиг кожей чувствовал бурлящие потоки странных фотонов лунного света. Коробочка со стеклянным крабом мелко завибрировала...

– А вы похожи, – рассмеялась Венди. – Глядите друг на друга и пучите глаза, словно увидели привидение.

Опомнившись, краб засеменил к придорожным кустам. Людвиг откинулся в кресле, прожояв взглядом членистоногое. Появление краба не было случайным. Вселенная играла с ним, точно маньяк, подбрасывая многозначительные намеки на преступление. Вот только сыщик из него никудышный. Холмсу хватило бы и половины имеющейся у Людвига информации, чтобы найти выход.

– Зачем крабы переходят дорогу? – сказала Венди.

Людвиг нервно пожал плечами; он был не в состоянии отвечать на глупые вопросы.

– Никто не знает, – вздохнула Венди. – Одна из тех задачек, которые не имеют правильного решения. Или имеют бесконечное множество правильных решений. Я к тому, что не забывай голову. Это просто краб, просто проползал мимо: отсюда до океана от силы четыре километра. Кстати, его судьбе не позавидуешь – далеко забрался от воды. Бродячие собаки, еноты и опоссумы не упустят такого шанса. И клешней от него не останется. Бедняга... Может, стоило дать ему мыльных пузырей?

Как всегда, Венди умудрилась разбавить серьезную тему шутками. Людвигу самому ситуация показалась смешной и глупой. Сковывающее напряжение отступило, и он улыбнулся.

– Ну, долго будем стоять? – поинтересовалась Венди. Она щелкнула по часам на приборной панели, напоминая: времени у них немного.

Вскоре Людвиг остановил машину рядом с чернеющим на фоне неба каркасом сгоревшего здания. С улицы стоянку перед пепелищем огораживала желтая целлофановая лента, трепыхавшаяся на ветру, точно змея в припадке эпилепсии. В приоткрытое окно машины прокрался запах мокрого угля, сажи и горелой резины.

– Выключи фары, – посоветовала Венди. – Слишком заметно. Не хочу, чтобы нас приняли за кладбищенских воров...

– Так мы еще больше будем похожи на мародеров, – ответил Людвиг, но свет все-таки выключил. Некоторое время они сидели в темноте, но их ночной визит не привлек внимания. Тишина лежала на Сосновой, как саван. Наконец, когда ожидание практически зазвенело в воздухе, Людвиг громко прошептал:

– Пошли.

Он достал из бардачка карманный фонарик и открыл дверь. Сырой ветер чиркнул по лицу водной взвесью, точно наждачной бумагой.

– Ты знаешь, что ищешь? – спросила Венди.

– Да, – Людвиг уверенно кивнул. – Хотя нет... Когда найду – пойму.

– Лучший из раскладов, – сказала жена. – А как ты поймешь, если не найдешь?

– Там посмотрим, – захватив коробочку, Людвиг зашагал к стоянке. Спустя пару секунд к нему присоединилась Венди.

Луна клонилась к закату и едва виднелась над деревьями. Хлюпая по лужам, они прошли на стоянку. На площадке громоздился горелый хлам: обломки мебели, остовы стульев, битая посуда и съездившийся пластик. Мусор прикрывал обглоданный пламенем кусок фанеры – остатки вывески.

Людвиг огляделся, не зная, с чего начать. Отпихнул ногой барный стул, пошарил фонариком по асфальту. Что он надеется найти? Оплавившихся стеклянных крабиков? Вряд ли – от них ничего не могло остаться. Как, впрочем, и от обычных, положительных крабов. Но должно быть что-то вроде реликтового излучения... Представить реликтовых крабов было сложно. На ум приходили только трилобиты.

Венди осталась посреди стоянки, пряча ладони в рукава и оглядываясь. Людвигу и самому было неуютно рядом со сгоревшим зданием. Нужно скорее заканчивать с этим делом. Вцепившись в липкую от копоти железную трубку, Людвиг выволок ее из общей кучи.

Вся конструкция рухнула с отвратительным лязгом. Он замер. Вот и все: перебудили половину квартала. Какая-нибудь бдительная старушка не замедлит вызвать полицию, и продолжать поиски крабов придется уже в участке. Некоторое время он стоял, не шелохнувшись, прикрыв фонарик ладонью.

– Ты слышишь? – громким шепотом спросила Венди. Людвиг прислушался, готовый к далекому вою сирены или хлопанью соседских дверей. Но вместо этого различил сухой хруст, будто сотни кроликов яростно грызли капусту. Звуки доносились со стороны дома.

– Да, – ответил он. Луч фонарика скользнул в темноту, осветив обуглившиеся балки, гнутые перекрытия из черного железа. Пятно света уперлось в стену, поползло вверх и остановилось, поймав свою жертву. Круглую и красную, с четырьмя парами ног и овальными клешнями. Краб полз по горизонтальной балке, бешено вращая глазами. С границы тени появился еще один и поспешил следом.

Фонарик в руке дернулся, осветив колышущуюся живую массу. Бугристый красный ковер раскинулся на десяток метров. Крабы: тысячи, сотни тысяч, а то и миллионы. Треск клешней, удары панцирей сливались в ритмичный рокот. Они приближались с неотвратимостью цунами.

Людвиг и Венди переглянулись и, не сговариваясь, бросились к машине. Крабы выплеснулись на стоянку, растекаясь по асфальтовой площадке и скрывая мусор под грудой хитиновых тел.

Людвиг не понял, как очутился на крыше автомобиля. Вроде бы стоял среди горелых обломков, а уже помогает Венди забраться следом. Спустя секунду крабы, подобно волнам, штурмующим затерянную в океане скалу, ударились о борта машины.

«Орикс» предательски зашатался. Людвиг запоздало выругал себя за то, что не догадался залезть внутрь. Ничего не стоило взять и уехать, а они оказались на тесной и скользкой крыше, окруженные крабами, точно миссионеры каннибалами. Но в критической ситуации рефлекс работают быстрее мозга. Люди чаще вышибают двери, чем проверяют, не открываются ли они в другую сторону.

Крабы бессильно скреблись, соскальзывая с металла. Людвиг подумал, не разорвут ли они клешнями шины, но решил, что это маловероятно.

– Что им от нас надо-то? – голос Венди заметно дрожал.

– Отрицательный заряд, – громко сказал Людвиг. – Мог бы сразу догадаться, он притягивает их как магнит. Плюс к минусу.

Он потряс коробочкой в подтверждение своих слов. Делать этого явно не стоило: все равно что размахивать тряпкой перед мордой носорога. Крабы устремились к машине с угроенной яростью.

– Больше так не делай, – попросила Венди, вцепившись в крепление багажника.

Людвиг нервно кивнул. Хотя крабы пока не могли до них добраться, крыша машины перестала казаться надежным убежищем. Членистоногих было слишком много, и при усилии им ничего не стоило опрокинуть «орикс». Прояви они чуть больше сообразительности, ситуация стала бы плачевной.

– И что теперь делать? Сидеть до утра и ждать, пока нас кто-нибудь спасет? Даника скоро проснется. Из кровати она не выберется, однако расплачется... Не хотелось бы ее огорчать.

– Пока у нас отрицательный краб, они не уйдут, – покачал головой Людвиг. – Если мы отсюда выберемся, крабы последуют за нами. Будут ползать по дому, пока не найдут. Примитивные создания... Слышала про животный магнетизм? Вот он во всей красе.

– Так отдай им эту игрушку! Что ты за нее цепляешься?! Людвиг дико посмотрел на жену. Венди отшатнулась.

– И все взлетит к чертовой матери?! Из всех извращенных способов самоубийства... У тебя под носом самая наглядная демонстрация неосторожного обращения с крабами.

Он махнул на горелый остов бывшего рестораника.

– Не кипятись, – сказала Венди. – Я только предложила. Должен же быть выход?

Некоторое время Венди хмурилась, обдумывая ситуацию. Маленький проворный краб умудрился забраться на капот. Но вскарабкаться на крышу было выше его сил: он соскальзывал с лобового стекла. Бесплодные попытки ничуть не уменьшили энтузиазма. Точно десятиногий Сизиф, он упрямо лез наверх.

– Мыльные пузыри? – сказала Венди. – Если верить этикетке, они защищают крабов?

– А не от крабов, – заметил Людвиг. – Есть разница... Обхватив голову руками, он пытался заставить себя думать. Треск клешней, стук и шорох мешали сосредоточиться. Мысли проплывали и исчезали в неведомых глубинах. Он будто пытался в крошечной темноте поймать руками скользкого угря. Сколько ни старайся, а получалось выудить только плети водорослей.

Столкновение частицы и античастицы приводит к их аннигиляции с образованием пары гамма-квантов. И как ни переноси это на крабов, схема оставалась той же. Теория была беспощадна.

– А если все-таки попробовать с пузырями? Мы ничего не теряем, а если получится...

Пузыри. Людвиг ухватился за эту мысль. Он вспомнил надувшегося тетрадонта и поездку в зоомагазин. Немного улиток и дафний для прикорма... Людвиг радостно вскрикнул. Венди удивленно посмотрела на него, а угорь уже бился в руках рыболова.

При участии гамма-квантов электрон и позитрон образуют устойчивую пару. И если распад краба и антикраба приводит к появлению пары примитивных ракообразных, то, возможно, дафнии помогут нейтрализовать крабов.

– Улитки, – сказал Людвиг. – Когда ты забирала аквариум, ты брала улиток? Там еще был пакетик...

– Не помню никаких улиток, – сказала Венди. – И пакетиков тем более. Я вот думаю, как достать пузыри? Они в машине, а мы сверху.

Он положил дафний в «бардачок»... Людвиг взглянул на бурлящее крабовое море. Рано или поздно придется в него прыгнуть. Нельзя всю жизнь стоять на берегу.

– Держи, – сказал он, вручая Венди коробочку. – Не позволяй им до нее добраться!

– А ты... – начала она. Людвиг поцеловал жену и спрыгнул с машины.

Под ботинками хрустнуло. Его пребольно ущипнули за лодыжку; если бы не плотная ткань джинсов, вырвали бы кусочек мяса. Людвиг отпихнул тварь ногой. Распахнув дверь, забрался на сиденье. Следом за ним в машину пролез десяток крабов, размерами от монеты до кулака.

Людвиг открыл «бардачок» и принялся шарить среди дорожных карт, рекламных проспектов и прочего хлама, годами скапливавшегося в недрах «орикса». Бумажный пакетик с дафниями обнаружился в дальнем углу. Людвиг бережно приоткрыл его и удовлетворенно ухмыльнулся при виде желто-коричневого порошка.

Опустив стекло, он по пояс высунулся из машины и столкнулся нос к носу с Венди.

– Достал пузыри?

– Лучше, – ответил Людвиг. Перегнувшись, он выбрался на крышу машины. – Открой коробочку.

Венди приподняла крышку. Встряхнув пакет, Людвиг высыпал содержимое на стеклянного краба. Затем перебрался на капот и поймал ползающую по нему тварь. От близости к заветной цели и невозможности ее достичь краб совсем ополоумел. Он яростно сучил лапками

и размахивал клешнями; глаза раскачивались маятниками. Людвиг пихнул его в коробочку, одновременно захлопывая крышку, и отшвырнул далеко, насколько хватило сил.

Людвиг ждал взрыва, но обошлось: никаких вспышек и грохота, столбов пламени и лучей до неба... Коробочка покатила по асфальту, закружилась и остановилась возле бордюра. Людвиг выпрямился. Сработало?

– И все? – спросила Венди.

– Думаю, да. Дафнии образовали соответствующее...

Коробочка подпрыгнула на месте, как от удара. Треск клешней и панцирей стих внезапно, словно кто-то выкрутил ручку громкости. Крабы застыли, будто боясь пошевелиться, и от их неподвижности Людвигу стало не по себе. Неужели ошибся? Вместо дафний надо было использовать креветок?

Людвиг мысленно отсчитывал секунды: три, два, один, взрыв? Коробочка не шелохнулась. Зато ожило крабовое море; перестук клешней ударил как гром. Крабы отхлынули от «орикса». Их организованность и ярость будто испарились. Крабы расползались, спеша вернуться к своим делам.

Людвиг слез с машины и помог Венди спуститься. Лавируя среди разбегающихся под ногами членистоногих, они подошли к коробочке. Людвиг нагнулся, поднял ее; жест оказалась теплой. Он открыл крышку и расплылся в улыбке. Внутри оказалась пара стеклянных игрушек, вцепившихся друг в друга клешнями и сливающихся на стыке. Стабильная пара с нейтральным зарядом. Венди заглянула через плечо.

– Ого! – сказала она. – Красиво получилось. Их можно будет поставить на полку?

Людвиг улыбнулся.

– Думаю, там им самое место.

Они вернулись к машине, и Венди взяла с сиденья мыльные пузыри. Вереница блестящих шариков полетела за расползающимися крабами. Она некоторое время смотрела им вслед, затем повернулась к Людвигу.

– Все же, несмотря на суицидальные наклонности, у Вселенной есть инстинкт самосохранения. И знаешь что? Мне кажется, мой муж – часть этого инстинкта.

Мыльная пленка, тонкая и хрупкая и в тоже время невероятно прочная, как и сама Вселенная, расплывалась голубыми разводами. Пузыри плавно опускались на землю, и Венди выдула еще немного.

– Поехали домой, – сказал Людвиг.

## Дмитрий Колодан

### Скрепки

Самое глупое в этой истории то, что Ральф Крокет терпеть не мог китайскую кухню. Ненавидел искренне и во всех проявлениях, не делая поблажек ни пекинской, ни кантонской, ни сычуаньской кулинарии. Неприязнь была давней, и Ральф держался за нее, как клещ, несмотря на попытки друзей и знакомых склонить его к экзотике. У них китайская кухня была в чести, но переубедить Ральфа оказалось не легче, чем проломить кирпичную стену, кидая в нее шарики для пинг-понга. Ральфу приписывали отсутствие вкуса, тайное вегетарианство, а то и вовсе отвращение к еде, вызванное комплексом по поводу лишнего веса... Последнее было уж полной чепухой – поесть Ральф очень даже любил. И потому к этому процессу относился серьезно. Всяческие эксперименты с продуктами питания он воспринимал с той же безразличностью, что и вивисекцию, считая их звеньями одной цепи. Разумный человек не станет есть крыс, скорпионов и птичьи гнезда, закусывать лепестками хризантем и запивать змеиной желчью. Не говоря уже о супе из медуз – сама мысль об этом блюде повергала Ральфа в трепет.

Впрочем, супу из медуз еще предстоит сыграть свою роль; сама же история началась несколько раньше – солнечным воскресным утром, на песчаной дорожке Центрального парка. И в тот момент Ральф Крокет не представлял, как скоро и странно китайская кухня ворвется в его жизнь.

Солнце едва поднялось над пирамидальными кленами, окрасив макушки деревьев в оттенки лилового и розового. Утро наступало медленно – в воскресенье спешить некуда, вот оно и не торопилось. Да и зачем? Безоблачное небо намекало на прекрасный день, а пока можно расслабиться и поваляться лишний часок в постели. В парке было тихо. Легкий ветерок гонял бумажки и окурки, играя сам с собой, пока его никто не видит.

Ральф Крокет бежал по дорожке, извивавшейся вокруг искусственного пруда. Впрочем, «бежал» в данном случае условность. Он просто быстро шел, попутно убеждая себя, что бег трусцой – лучший способ провести воскресное утро. Закаляет тело и дух, воспитывает характер.

И все бы хорошо, но с характером не заладилось. По официальной версии, Ральф занимался спортом, чтобы держать себя в форме. По более близкой к реальности – чтобы избавиться от пары-другой лишних килограммов. К сожалению, упрямства хватало только на выходные.

Ральф был не толстым, скорее, просто упитанным. Ни разу весы не показывали предельных цифр, но из-за низкого роста он выглядел толще, чем это было на самом деле. Масла в огонь подливала рассеянность, а как следствие – неуклюжесть. Чем-то Ральф напоминал шар для боулинга: отчасти из-за округлости, но главное – из-за манеры передвигаться с пугающей целеустремленностью, забывая смотреть по сторонам. Добром это не заканчивалось – на его счету значились разбитые тарелки и чашки в кафе, опрокинутые столы, стулья и редчайшая амфора в городском музее... Друзья и знакомые никогда не забывали прятать хрупкие вещи.

Но при этом сам Ральф словно жил в центре циклона. Неприятности держались неподалеку, но вплотную не подходили. Единственное исключение – собаки.

В то утро Ральф шел уже на третий круг – личный рекорд. Самое время подумать о том, что для человека его комплекции длительные пробежки сулят больше вреда, чем пользы. Впрочем, он мог найти с десятков не менее убедительных самооправданий.

Покончив со спортом, Ральф намеревался покормить птиц и захватил для этого пару сэндвичей с тунцом. Но жирные утки пока спали и покидать середину пруда не собирались.



Потому сэндвичи оставались невостребованными. Ральф сперва решил, что плохо жевать на ходу, а позже физические упражнения отбили малейший аппетит.

От нечего делать Ральф глядел под ноги, взбивая носками кроссовок песчаные смерчки. На земле нередко попадаются интересные штуки. Чаще всего – монеты, но иногда – действительно стоящие вещи. Один его приятель собирал потерянные ключи и игральные карты. Но для серьезного коллекционирования Ральф был чересчур ленив и рассеян, хотя сама идея и была ему по душе.

В то утро улов состоял исключительно из бутылочных крышек, окурков да алюминиевых колец от пивных банок. Негусто, надо признать. Потому Ральф и остановился, заметив в пыли яркое пятнышко. Присев на корточки, Ральф поднял свою находку. Ею оказалась обычная канцелярская скрепка в красно-белой пластиковой обмотке, шершавая и неприятная на ощупь. То еще сокровище... но Ральф положил ее в карман.

И вовремя – не успел он выпрямиться, как за спиной раздалось хриплое рычание.

На долю секунды Ральф замер, не смея поверить в реальность. Мгновение назад поблизости не было и собачьей тени. Тварь словно возникла из воздуха – крупный лохматый терьер, рыжий, как перезрелый апельсин. Тяжелая голова низко опущена, мышцы дрожат от напряжения, крошечные глазки налились кровью, рык не смолкает ни на секунду, словно внутри собаки спрятан дизельный мотор. И десятой доли этого хватило бы, чтобы человек с крепкими нервами почувствовал себя неуютно. Ральф же боялся собак до смерти.

Он быстро огляделся в поисках хозяев пса, но никого не увидел. Как не увидел и ошейника на шее терьера. По всем приметам выходило, что пес бездомный.

– Милый песик... – сказал Ральф, начиная пятиться.

Главное, не делать резких движений. Один неверный шаг, и зубы сомкнутся на лодыжке. Побежишь – считай подписал себе приговор. Люди по своей природе существа медлительные. Если Ахиллес не смог догнать черепаху, куда уж обычному человеку состязаться в скорости с собакой? Перспектива провести воскресенье на больничной койке Ральфа не прельщала.

Медленно Ральф достал из кармана сэндвич с тунцом. Пока еще оставалась надежда откупиться: собачий род корыстен, мало кто пройдет мимо взятки.

– Не хочешь перекусить? Посмотри, что у меня есть...

Он бросил сэндвич собаке, но тунец задержал пса на считанные мгновения. Оглушительно клацнули зубы. Звук громом прокатился в тишине парка, сработав для Ральфа, как кнопка, подложенная на стул. Он подскочил на месте и решил, что медлить – себе дороже.

В Австралии кенгуру, спасаясь от динго, первым делом бегут к ближайшей реке или озеру. И сидят по шею в воде, посмеиваясь: ни одна собака не сунется следом, понимая, каково это – барахтаться, когда противник уверенно стоит на дне и собирается тебя утопить.

Подобная методика могла бы пригодиться и Ральфу, но тысячелетия эволюции вытравили из генетической памяти столь полезный навык. Он вспомнил о нем, когда со всех ног бежал прочь от пруда.

Пес устремился следом. Он мог бы догнать Ральфа в пару прыжков, но пока не приближался. Ральф решил, что терьер его выматывает. Он слышал про таких – будут гнать добычу, пока та не свалится замертво. И судя по тому, как колотилось сердце и резало в боку, до этого оставалось недолго.

– Держи, – выкрикнул Ральф, швыряя собаке второй сэндвич.

Терьер поймал бутерброд на лету, как тарелку для фрисби, перекувырнулся в воздухе и покатился по траве. Ха! Ральф злорадно усмехнулся и на полном ходу врезался в кусты боярышника.

– Ай! – жесткие ветви хлестнули по груди и рукам.

Собака мерзко тявкнула, чтобы показать, что злорадство не является человеческой привилегией. И еще не ясно, кто в этой истории будет смеяться последним.

Колючки больно царапали кожу, но выбираться из кустов Ральф не стал. Вместо этого он устремился дальше, ломая ветки и в клочья раздирая спортивный костюм. К счастью, обошлось без травм, и между Ральфом и псом возникла отличная преграда.

Терьер оказался сообразительным и в боярышник не полез. Но сдаваться не собирався. Декоративная изгородь примыкала к металлической решетке парка. По ту сторону неспешно просыпался город. Мимо ограды проехал молочный фургон – круглощекий водитель отсалютовал Ральфу початым пакетом кефира. Четверть часа, и в парк потянутся собачники, превращая его в огромную ловушку. Нужно срочно выбираться, осталось понять – как?

Кто-то, может, и смог бы протиснуться между прутьями, но для Ральфа подобный вариант оказался неприемлем. Забор был высокий, прутья решетки венчали вычурные и острые наконечники. Нечего и думать, чтобы перелезть. Украшать ограды человеческими головами уже не модно.

Вплотную к ограде рос старый тополь. Толстый ствол сильно кренился, так что дерево большей частью очутилось за пределами парка. И выглядело таким древним, что если бы не невольные подпорки, оно бы попросту рухнуло. Серо-коричневую кору избороздили глубокие трещины, по краям ярко-рыжие от наростов лишайника. Массивный наплыв обволакивал пару прутьев решетки: тополь словно подтаял на жаре, а теперь стекал вниз.

Ральф был не в восторге от идеи ползать по деревьям, но иного выхода не оставалось. Цепляясь за трещины коры и решетку, он торопливо стал карабкаться по стволу. Терьер это заметил и разразился возмущенным лаем – подобный поворот событий не входил в его планы. Собака забегала вдоль живой изгороди в поисках прохода. Чем только подстегнула Ральфа.

Силы в руках почти не осталось, ноги соскальзывали, древесные крошки впивались под ногти, но Ральф продолжал ползти вверх, с упрямством лосося, идущего на нерест. Он и сам не заметил, как оказался на наплыве, вцепившись в ствол руками и ногами. Полдела сделано, осталось слезть.

Собака, поняв, что без жертв не обойтись, полезла через кусты. Рыжая морда высунулась из сплетения ветвей, глаза сверкали.

Ральф посмотрел вниз: спрыгивать высоко, но сидеть, дожидаясь подмоги, глупо и небезопасно. Вопреки расхожему мнению, некоторые собаки неплохо лазают по деревьям, а взобраться по наклонному стволу им и вовсе пара пустяков. Ральф не сомневался, что терьер окажется из их числа.

Не отпуская ствола, Ральф пошарил ногой в поисках точки опоры. Безуспешно. Надо ухватиться покрепче, повиснуть на руках, а там до земли недалеко...

Тем временем пес с плотоядной усмешкой подбирался к дереву. Смекнул, что добыча угодила в западню, и смаковал ситуацию. Ральф суетливо задергался, инстинктивно пытаясь отползти в сторону. Штанина зацепилась за ржавый штырь, торчащий из наплыва. Ральф с силой дернул ногой, раздирая ткань. Но лучше остаться в дырявых штанах, чем повиснуть вниз головой, подобно герою дешевой кинокомедии.

И все бы ничего, но в его положении резкие движения были категорически противопоказаны. Ральф не успел осознать, что летит, а уже лежал на тротуаре, вопя от боли.

Пошатываясь, он поднялся на ноги.

Громко лая, терьер бросился к решетке. Но через прутья не полез: партия осталась за Ральфом, и собака это прекрасно понимала. Она лишь хотела сообщить, что одно сражение – еще не победа, и в следующий раз так просто он не отделается. Ральф твердо решил, что следующего раза терьер не дожидется. Всему есть предел – с сегодняшнего дня ноги его в этом парке не будет.

– Пока-пока! – Ральф помахал псу и довольный собой зашагал прочь. Терьер продолжал лаять, но Ральф не обернулся.

Радость избавления длилась недолго. Не прошел он и десятка метров, как почувствовал резь в боку, усиливающуюся боль в плече, а в придачу навалилась усталость. Мышцы заболели разом, каждый вдох рвал и без того раскаленные легкие. Страшно хотелось пить, найти же воскресным утром бутылку воды не легче, чем раздобыть ее посреди пустыни.

Теоретически, вода была рядом – зашел в любой магазин и купил, но с тем же успехом она могла быть и на Марсе. Ральф долго блуждал между кафе и мини-маркетами, но те, если и работали по выходным, то открывались в лучшем случае через час. К этому времени он успеет умереть от обезвоживания. Пустые уличные столики и свернутые зонтики выглядели издевательством.

Вдалеке проехала разноцветная машина. Ральф узнал молочный фургон. Он чуть не подпрыгнул от радости: есть справедливость в этом мире! Ральф припустил к грузовичку, мысленно смакуя вкуснейшее холодное молоко. Напиток богов, лучшее, о чем можно мечтать.

Но водитель ждать его не собирался. Грузовичок скрылся за поворотом, и надежда на спасение растаяла, как мираж.

Ральф поплелся вслед за исчезнувшим фургоном. Может, тот задержался или оставил под какой-нибудь дверью пару бутылок молока? Вряд ли хозяева расстроятся, если он положит взамен двойную цену? Но все было напрасно.

Ральф дошел до конца улицы, мысленно проклиная собак, молочников и утренние пробежки. Сидел бы дома, мог бы литрами пить молоко, соки и воду. Он свернул за угол и уткнулся в дверь китайского ресторана.

Заведение называлось «Хрустальный Карп»; вывеска из неоновых трубок тускло мигала над дверью. Фасад умело стилизовали под пагоду и украсили резными рыбами и драконами. С козырька свисали круглые бумажные фонари. Но главное – на дверной ручке покачивалась табличка «Открыто».

Открыто!

В другой раз Ральф и на пушечный выстрел не подошел бы к подобному заведению, но ему не оставили выбора. Он рванулся к двери, предвкушая, как по пересохшему горлу заструится ледяная вода. Даже если вода окажется из аквариума с голотуриями и крабами, Ральф был готов на это.

Сразу за дверью стоял гонг – огромный диск тусклой бронзы, закрепленный на деревянных столбиках. Рядом горбился невысокий человек в халате до пят и в конической тростниковой шляпе. Привратник походил на восковую куклу. По крайней мере, это было единственное достойное объяснение пустому взгляду и застывшей на губах улыбке. Пока Ральф мялся на пороге, человек не шевельнулся. Но стоило шагнуть вперед, как привратник взмахнул войлочной колотушкой и ударил в гонг.

Низкий гул прокатился по залу; Ральф аж подпрыгнул от неожиданности. Ох уж эти китайские церемонии! Человек в халате продолжал улыбаться, не спуская глаз с таинственной точки над головой Ральфа. Тот невольно пригладил волосы и, косясь на привратника, проскользнул в ресторан.

Как и следовало ожидать, посетителей не было. Обстановка зала предполагала полумрак: темные стены, массивные столы мореного дерева, красные абажуры ламп... Но жалюзи были открыты – яркое утро не оставило от мрачности и следа. Солнце дробилось в чисто вымытых окнах, и по потолку скользили спящие зайчики. Даже рыбы в настенных аквариумах выглядели жизнерадостно.

Китайские рестораны – явление уникальное; уже в самом словосочетании заложен подвох. С одной стороны, вроде не грязная пивная и не фастфуд, но назвать настоящим *рестораном* язык не поворачивается. Полумера, наподобие шикарных туфель со шнурками из полиэтиленовой веревки. Потому там всегда темно – в полумраке не сразу заметишь нюансы. То,

что в этом заведении пустили внутрь солнце, добавляло «Хрустальному Карпу» очков. Правда, немного.

Ральф уселся за ближайший столик и огляделся в поисках официантки. Та, к счастью, не заставила себя долго ждать. Девушка подошла бесшумно, со спины, потому Ральф вздрогнул, когда услышал:

– Доброе утро!

– А?! Здравствуйте. стакан воды, пожалуйста, – прохрипел Ральф. – А лучше – сразу два...

– Меню? – спросила официантка, протягивая раскрытую папку. Даже не взглянув, Ральф постучал пальцами по горлу. Он словно пробежал марафон через Сахару. О каком меню может идти речь?

– Просто воды... Главное – побольше.

Девушка не стала его уговаривать и вышла. Тяжело дыша, Ральф откинулся на спинку стула. Пластиковая ножка тут же подогнулась. Чтобы не упасть, Ральф схватился за край стола, мимоходом опрокинув вазу с искусственными цветами. По столешнице растеклась большая лужа, которая повергла Ральфа в недоумение: зачем ставить пластмассовые растения в воду?

Он быстро собрал цветы и вернул на место. Успел как раз к возвращению официантки, хотя все следы скрыть не удалось.

– Вы бы намекнули, что *настолько* хотите пить, – сказала девушка, косясь на лужу.

Официантка поставила поднос на край стола и достала из кармана тряпку. Вид у девушки был не самый довольный.

– Давайте я сам, – Ральф схватил девушку за запястье. Испугавшись собственной наглости, отпустил и резким движением сбил поднос. С грохотом тот упал на пол. Девушка вскрикнула, но отскочить не успела. Долгожданная вода выплеснулась официантке на ноги. Один стакан разбился, второй закатился под стол. Ошарашенная официантка осталась стоять в луже, растерянно хлопая длинными ресницами.

– Э... Извините... Я случайно...

Официантка глубоко вдохнула. Губы беззвучно шевелились, пока она мысленно считала до десяти.

– Ничего страшного, – улыбнулась она. Но во взгляде плясали искры – не будь она связана этикетом, ответ был бы куда более красочным.

Девушку звали Стефани; по крайней мере, именно это было написано на нагрудной табличке.

Честертон назвал бы ее «хрупкой девушкой с тонким лицом», и она бы точно приглянулась прерафаэлитам. Что-то в ее облике наводило на мысль о средневековых миниатюрах. В то же время Стефани была подвижной, как капля ртути. Сходство подчеркивали волнистые волосы металлического пепельно-серого оттенка.

Ральф совершенно не представлял, почему ее взяли на работу в китайский ресторан. Здесь же предпочитают девушек восточного типа. Но он был рад этому отступлению от канона – прежде он не видел такого красивого лица.

А спустя секунду Ральф осознал две вещи: а) он влюбился с первого взгляда; б) здесь ему ничего не светит.

В силлогизм закралось некое раздражающее противоречие. Прежде чем эта мысль улеглась в голову, Стефани успела сходить за шваброй, убрать осколки и снова принести воду.

– Ваш заказ, – мрачно сказала она.

Ральф одним глотком осушил стакан, но легче не стало.

– Можно меню? – спросил Ральф.

– А разве я вам его не предлагала? – вздохнула Стефани.

– Да. Но знаете, как бывает – сначала вроде сыт, а потом... такая приятная обстановка, что не уйти.

– Не знаю, – честно призналась Стефани, проигнорировав комплимент. Но меню принесла.

Ральф уставился на ламинированные страницы, не решаясь поднять взгляд на девушку. Есть он не хотел ни капельки, тем более в китайском ресторане, но сейчас это единственный повод задержаться.

Беда в том, что Ральф понятия не имел, как знакомятся с официантками. Пригласить ее на завтрак в ресторан? Абсурднее предложение придумать сложно: он и так завтракает с ней в ресторане. Но ничего другого в голову не приходило.

Меню его не обрадовало. Может, среди ценителей китайской кухни «Хрустальный Карп» пользовался популярностью – разнообразие экзотических блюд налицо. Но при всем богатстве выбора Ральф не видел ни одного, которое можно съесть без опаски. Вот, например, «Ча ен тан» – яйца и чай. На первый взгляд, классический завтрак, но Ральф прочитал описание: яйца, маринованные в чае... Брр... Он поежился. Или еще хуже: «Борьба дракона с тигром» – три вида ядовитых змей, дикая кошка и гарнир из листьев лимонного дерева и лепестков хризантемы. Кому только в голову пришла идея, что это можно есть? Так дойдет до того, что как приправу будут класть мышьяк, а на гарнир – цикуту. Морской гребешок, тушеный с цветами, бульон с трепангами и каракатицей... Ужас!

– Не могу выбрать, – сказал он. – Может, вы посоветуете?

– Рыбу, мясо или птицу?

– Наверное, рыбу. Или птицу. Точно, утка по-пекински...

– Ее готовят двое суток. Будете ждать?

Предложение выглядело более чем заманчиво. Но Ральф не настолько потерял голову.

– Действительно долго...

– Если нужно быстро, то у нас есть «Карп из озера Куньминху». Очень интересное блюдо – готовится четыре минуты. Когда жареная рыба подается на стол, она открывает рот и у нее двигаются жабры. Она продолжает открывать рот даже тогда, когда съедена до костей...

Это было уже слишком. Если это месть за пролитую воду, то своего Стефани добились. Ральф очень живо представил этого карпа: он разевает пасть так, что осыпается золотистый кляр, затем бросает печальный взгляд на гурманов, которые едят бедолагу заживо... Ральфу стало дурно; к счастью, под рукой оказался еще один стакан с водой. Он сделал жадный глоток, проклиная богатое воображение. Стефани виновато улыбнулась; она не рассчитывала, что шутка примет такой оборот. Ральф же подумал, что совсем на нее не злится – не ее вина, что у китайцев столь извращенный подход к приготовлению пищи.

– А сами бы вы что заказали?

– Могу предложить куриные крылышки по рецепту императрицы Гуйфей, – сказала девушка.

Ральф задумался. Звучит, конечно, красиво, но в китайской кухне все названия звучат красиво. А про эту самую императрицу он ничего не слышал – кто знает, какие безумные идеи могли прийти ей в голову?

– Я пробовала, мне понравилось, – сказала Стефани, решив судьбу заказа.

– Вот и отлично, – Ральф захлопнул папку-меню и во второй раз сбил вазу. Стефани успела отпрыгнуть.

Курица императрицы Гуйфей оказалась вполне съедобна. Конечно, слишком сладко и слишком остро, да и к палочкам Ральф не привык, но это лишь придирки. Присутствие Стефани, пусть и в другом конце зала, окупало все. Под конец Ральф вошел во вкус и решил, что был несправедлив к китайской кулинарии.

Кура закончилась быстро, но как углубить знакомство с девушкой, Ральф так и не решил. Пришлось заказывать еще «Тань Су Ю» – кисло-сладкую засахаренную рыбу. С этим блюдом Ральф не справился. Битый час он ковырялся в карамельной подливке, но не осилил и пары кусочков.

Стефани же, устав от восхищенных взглядов, которые Ральф бросал в ее сторону, то и дело пряталась в подсобке. Стрелки настенных часов накручивали обороты, но в ресторане пока не появилось других посетителей. Проклятье – и обстановка способствует, а он не решается заговорить! Видимо, не в этот раз... Значит, пора уходить, хотя, будь его воля, Ральф просидел бы в кафе до заката. Зато он даст стопроцентные чаевые. Нет, лучше – двухсотпроцентные!

Ральф тут же осадил себя. У всех бывают глупые идеи, но по сравнению с этой любая чушь будет разумна, как толковый словарь. В системе отношений официантка—клиент подобные чаевые равносильны непристойному предложению. Стефани наверняка не из тех, кто будет терпеть грубости, пусть и высказанные столь вычурным образом. Пощечина в ответ гарантирована.

Нет, здесь нужен тонкий подход. Пожалуй, стоит ограничиться двадцатью процентами. Больше обычного, но не настолько, чтобы вызвать подозрения. Завтра, а лучше послезавтра, прийти опять...

– Можно счет?

Стефани выполнила просьбу незамедлительно. Хотелось думать, потому что умело справлялась с работой, а не из-за того, что Ральф уже сидел у нее в печенках.

– Как я погляжу, рыба вам совсем не понравилась, – сказала она, протягивая чек.

– Весьма специфическое блюдо, – согласился Ральф. – С первого раза сложно оценить все нюансы.

– Проще говоря – редкостная гадость, – усмехнулась девушка. – К китайской кухне надо привыкнуть.

– Я постараюсь, – пообещал Ральф. – Если вы...

Он полез в карман за кошельком и замер. Стало невыносимо тихо, так что отчетливо слышался лязг посуды на кухне.

Кошелек отсутствовал, как, впрочем, и сам карман. Одна большая дыра. Гадкий терьер нанес ответный удар, с коварством, непостижимым даже для собаки. Наличные, кредитки, ключи – пропало все. Вывалились, когда он перелезал через ограду или же через кусты. Осталась лишь скрепка, найденная в парке и зацепившаяся за драную подкладку. Но вряд ли этого хватит, чтобы расплатиться за завтрак, не говоря о чаевых.

Стефани терпеливо ждала, прижав поднос к груди и выбивая пальцами замысловатый ритм.

– Слишком много? – спросила она, не совсем верно истолковав побледневшее лицо Ральфа. – Я могу объяснить: тридцать пять – это куриные крылья, двадцать...

– Нет-нет, – остановил ее Ральф. – Со счетом все в порядке. Только... Да, сейчас это слишком много.

– Вы отказываетесь платить? – в глазах Стефани мелькнуло почти детское удивление.

– Э... я не отказываюсь, совсем нет! Просто я потерял кошелек.

– Но это и значит, что отказываетесь!

– Неправда! Давайте я схожу домой и принесу деньги? Это совсем недолго...

Хотя с учетом пропавших ключей пробежка за деньгами могла и затянуться. Позвонить кому-нибудь из друзей и знакомых тоже не получится – телефон Ральф оставил дома, а на память он не знал ни одного номера.

– Я спрошу у администратора, – с сомнением сказала Стефани. Она отошла к подсобке, то и дело оборачиваясь, опасаясь, что Ральф сбежит.

– Господин Чанг, вы не могли бы...

Администратор появился, как чертик из табакерки. Ральф не успел и глазом моргнуть, а тот уже стоял рядом со столиком, скаля в улыбке желтые зубы.

– Доброе утро.

Ральфу он совсем не понравился. Невысокий и сутулый, видимо, китаец. Половину лица скрывали огромные очки с зеркальными стеклами. На нем был светло-серый костюм в полоску и темная шляпа, хоть он и находился в помещении. В целом – вызывающе безвкусно, так одеваются мафиози в гангстерских фильмах. Но куда больше Ральфа смутила рукоять пистолета, выглядывающая из-за пояса. Разве по закону можно открыто носить оружие?

– Как я понял, у нас здесь небольшая проблемка, – голос у администратора был противно-визгливый.

Ральф откашлялся. Горло вновь пересохло – и толку от выпитой воды?

– Нет-нет, – поспешил сказать он. – Просто недоразумение. Я потерял кошелек и только сейчас заметил. Но я могу принести деньги...

– Ясненько, – администратор продолжал улыбаться. – Ничего убедительнее не придумаете?

– Я никого не собираюсь обманывать. Да сами поглядите!

Он продемонстрировал господину Чангу драный карман. Администратор кивнул.

– Очень убедительно. У нас дела так не делаются: поели – извольте расплатиться. Вроде ничего сложного?

– Я и предлагаю: давайте я схожу домой и принесу деньги.

– А в залог оставить нечего? Документы, ценные вещи? Сами посудите: вы предлагаете поверить на слово незнакомцу, скорее всего, мошеннику. Вы бы поверили?

Господин Чанг повернулся к Стефани.

Она бы поверила, подумал Ральф, но девушка промолчала. И что теперь? Вызовут полицию? Наверняка в участке дело будет улажено за час, но какое впечатление он оставит о себе? После этого инцидента путь сюда заказан. И план познакомиться со Стефани поближе отправляется в тартарары.

Он посмотрел в окно в надежде, что мимо пройдет кто-нибудь из знакомых. Вместо этого он увидел написанное от руки объявление, скотчем прилепленное к стеклу: «Срочно! Требуется распространитель листовок. Оплата сдельная, обращаться к администратору».

– А если я отработаю? – ухватился за соломинку Ральф.

– И как? – насторожился администратор.

– Распространителем листовок, – сказал Ральф. – Я прекрасно справлюсь с этой работой. У меня большой опыт ведения рекламных кампаний.

Господин Чанг на секунду задумался.

– Чтобы расплатиться по счету, вам придется работать четыре дня, – сказал он.

– Не страшно, – поспешил сказать Ральф. Тем более что вечером он доберется до дома и уже сможет окончательно расплатиться. А так – считай, день вместе со Стефани. По окончании можно попытаться ее проводить...

– Тогда господин Вонг Хо готов вас принять, – администратор указал на дверь подсобки. Стекла очков грозно сверкнули. Ральф решил: спорить с этим типом себе дороже – не исключено, что тот является членом какой-нибудь триады, а в кафе подрабатывает для прикрытия. Он покосился на Стефани в поисках поддержки, но девушка хмурилась.

Расправив плечи, Ральф пошел вслед за господином Чангом. Кухня ресторана оказалась куда больше зала для посетителей. Все свободное пространство занимал лабиринт из металлических столов и газовых плит. То и дело к потолку взвивались столбы ярко-голубого пламени. Вдоль стен стояли огромные мутные аквариумы; за зеленоватым стеклом неторопливо плавали громадные рыбы, ползали длинноногие крабы и сустились каракатицы. Коллекция морской

живности сделала бы честь любому океанариуму. С потолка на крючьях свисали ошипанные птичьи тушки. Не менее дюжины поваров-китайцев сутились вокруг кипящих котлов и шипящих сковородок, разделывали мясо и рыбу.

Господин Вонг Хо встретил Ральфа в самом сердце лабиринта, окутанный клубами пара, поднимавшегося над жаровнями и чанами с рисом. Белые петли то и дело скрывали его лицо, придавая китайцу вид загадочный и даже inferнальный. Он походил на сома, а если быть точным – на жертву жестоких опытов доктора Фу Манчу по скрещиванию человека и рыбы. Эксперимент удался на славу. Хозяин ресторана был невысоким и рыхлым, будто изнутри его набили влажным песком. Редкие прядки точно приклеенные свисали с лысого черепа, поблескивая от окружающей влаги. На шее складками лежала бледная и дряблая кожа. Руки он прятал в рукавах широкого халата.

– Господин Вонг Хо, – администратор поклонился, хозяин ресторана ответил легким кивком. Ральф же не понял, должен ли он следовать этому ритуалу. Где-то он читал, что у китайцев существует строгая иерархия поклонов, понять которую человеку, далекому от восточной культуры, невозможно. Один неверный кивок с легкостью мог обернуться кровной обидой.

– Здравствуйте, – он шагнул навстречу владельцу ресторана.

Тот долго смотрел на протянутую ладонь, но рук из рукавов халата так не вынул. Кланясь через слово, Чанг рассказал о казусе с неоплаченным счетом и предложении Ральфа отработать долг. Владелец ресторана слушал, не перебивая, без тени эмоций на лице. С тем же успехом администратор мог обращаться к ближайшему столу. Лишь в конце речи Вонг Хо повернулся к Ральфу. Некоторое время он молча смотрел на него, так что Ральфу стало не по себе от столь пристального внимания.

– Хорошо, – сказал владелец ресторана. – Можете приступать. Листовки и костюм получите у господина Чанга.

– Костюм?!

– Разумеется. А вы думали, что встанете на углу в своих дырявых штанах. Это недопустимо – у нас заведение с репутацией.

– Какой костюм? – тихо спросил Ральф.

– Большая панда. Это символ Китая, и она очень нравится детям, настраивает на веселый и дружелюбный лад. Лучшей рекламы китайского ресторана не придумаешь.

– Панда? Да, конечно...

Появляться на улице в костюме панды совсем не входило в его планы. А если увидят друзья и знакомые? Что ни объясняй, все равно поднимут на смех. Но выхода не оставалось.

Ральф собрался. Не стоит вешать нос – костюм панды не так уж и плох. Мог бы оказаться карп, а расхаживать по улицам в костюме рыбы куда как глупее.

– И вот еще. Если вам взбредет в голову мысль сбежать – господин Чанг найдет вас *очень* быстро. Если это случится: приношу свои соболезнования.

И словно в подтверждение его слов ближайший повар одним ударом отсек голову большеглазой рыбине. С громким стуком тесак вонзился в разделочную доску.

– У меня и в мыслях не было ничего подобного, – искренне сказал Ральф.

– Вот и замечательно. Вам положен бесплатный обед за счет заведения. Хотя вы у нас вроде уже позавтракали? Но ничего, не в наших правилах держать сотрудников голодными.

Китаец сухо рассмеялся. Ральф посмотрел на аквариум, кишущий толстыми тараканами, на грязное ведро, полное мохнатых шариков – свежевыловленных губок, на склизкого угря, которого потрошил повар, и мысленно застонал.

– Если все вопросы улажены, – сказал Вонг Хо, – добро пожаловать на борт, господин Крокет.

Лишь полчаса спустя, облачаясь в неудобный костюм панды, Ральф сообразил, что владельцу ресторана не представлялся.



Не прошло и получаса работы распространителем листовок, а Ральф уже искренне ненавидел это занятие. Жизнь панды на улицах большого города оказалась невыносима. Не мудрено, что настоящие бамбуковые медведи носа не кажут из лесов. Сидеть на травке, хрустя свежим стеблем, приятнее, чем разгуливать по мостовой в тяжелом костюме, под палящими лучами солнца. Не зря китайцы считают панду мудрым зверем. Ральф же хоть и влез в звериную шкуру, а ума не прибавилось. Оставалось утешать себя мыслью, что из всех способов сбросить вес этот должен оказаться самым действенным. Полчаса – и Ральф чувствовал себя, как выжатая губка. Пот стекал сплошным потоком, сопоставимым с Ниагарой.

– Лучшая китайская кухня в городе! – кричал Ральф, размахивая пачкой листовок. – Бизнес-ланч за двадцатку! Добро пожаловать в ресторан «Хрустальный Карп»!

В голове не укладывалось, кто по такой жаре будет есть жаренную в кипящем масле рыбу или пить свежесваренный чай. Да и какой бизнес-ланч в воскресенье? Листовки, которые Ральфу иногда удавалось вручить пешеходам, тут же оказывались в мусорных баках. Не самое приятное чувство, когда прямо на глазах плоды твоего труда отправляют в утиль.

С другой стороны – это ради Стефани. Иаков, например, терпел больше. Что такое полчаса в костюме панды, по сравнению с семью годами на полях Лавана? И если бы Ральфу сказали, что ему тоже придется гнуть шею на Вонга Хо семь лет, он бы не медлил и секунды. Да хоть десять! Главное – продержаться до вечера...

Дверь ресторана приоткрылась, и на улицу выглянула Стефани. Увидев Ральфа, она поманила его рукой. Переваливаясь, как и положено медведю, он поспешил к девушке.

– Устал? – спросила Стефани без всякого сарказма. Ральф не ответил – короткая пробежка далась ему так тяжело, что он не смог выдать ни одного слова.

– Держи, – сказала Стефани, протягивая Ральфу бутылку воды. Запотевшую, прямо из холодильника. – На тебе лица нет.

– Есть, – хрипло сказал Ральф. – Только не мое.

Он взял бутылку и пил долго, пока воды совсем не осталось.

– Спасибо. Еще чуть-чуть, и хватил бы тепловой удар.

– Из тех, кого я видела, больше часа никто не выдерживал, – сказала Стефани. – Идешь на рекорд.

– А у меня есть выбор?

За спиной девушки замаячил господин Чанг, улыбаясь зло и резко. Администратор показал пальцем на пешеходов. Ральф торопливо попятился. Не дай бог, решит, что он уваливает от работы.

– Через час тебе положен перерыв, – быстро шепнула Стефани. – Заходи, что-нибудь придумаем.

Перерыв! Естественно, господин Чанг не посчитал нужным ему об этом сообщить. Если бы не Стефани, Ральф вкалывал бы до заката!

Час до перерыва прошел в томительном ожидании. Ральф успел разругаться с яростной защитницей прав животных, порывавшейся облить его краской, и изрядно озадачил парочку юных скинхедов – те не могли взять в толк, почему внутри китайского медведя оказался совсем не азиат.

В «Хрустальный Карп», как назло, заходили только те прохожие, которым Ральф не успевал поведать о китайской кулинарии. При подобном раскладе вся его работа теряла смысл, но, стиснув зубы, он продолжал раздавать листовки.

Ральф едва дождался момента, когда вновь выглянула Стефани. Бросился к ней чуть ли не с распростертыми объятьями. Перерыв! Хоть немного тишины и покоя.

В дверях ресторана он столкнулся с господином Чангом. На долю секунды улыбка сползла с лица администратора, однако тот ничего не сказал. На этот раз привратник не стал бить в гонг. Ральф же мимоходом подумал, что с утра старик не сдвинулся и на миллиметр. Но он тут же о нем забыл, спеша за Стефани в глубь ресторана.

Посетителей прибавилось, хотя Ральф не заметил, когда они успели войти. Занят был каждый третий столик. Откуда-то появились еще три официантки, на этот раз китайки, похожие как две капли воды. Девушки суетливо семенили от посетителя к посетителю, разнося еду и напитки, и выглядели абсолютно счастливыми, хотя и запыхавшимися. Имен на табличках Ральф не разглядел.

– Мне тоже положен перерыв, – сказала Стефани, отвечая на незаданный вопрос.

Мимо столиков прохаживался и сам Вонг Хо, кланяясь посетителям, с кем-то обмениваясь парой реплик.

Оглядываясь на Вонга Хо, Ральф прошел вслед за Стефани к столику в дальнем углу ресторана, отгороженному от остального зала ширмой. Тот уже был накрыт на две персоны. К счастью, никаких изысков, вроде шевелящихся лагустов или голожаберных моллюсков. Обычная жареная рыба, и главное – никаких палочек, а нож и вилка. Ральф с благодарностью посмотрел на девушку. Есть в костюме панды палочками – верх абсурда.

Надо же, а ведь совсем недавно думал, как пригласить Стефани на обед, и вот – пожалуйста.

– В кои-то веки обед не пройдет в одиночестве, – сказала Стефани. – А то Сун со своими сестрицами меня недолюбливают.

Ральф не сразу сообразил, что девушка говорит про официанток-китайнок. Он снял голову панды, и та горбом повисла на спине.

– Как тебя вообще сюда взяли? – спросил Ральф, садясь за столик. – Ты же совсем не похожа на... восточную девушку. Или тоже не расплатилась за ужин?

Стефани махнула рукой.

– Это какой-то дурацкий закон, – сказала она. – В подобных заведениях обязаны держать сотрудников разных национальностей, чтобы не провоцировать публику. По мне – чушь полнейшая, но есть бумага, есть печать. Так получилось, что мне срочно потребовалась работа и выбирать не приходилось.

– И давно ты здесь?

– Четыре с половиной дня.

– О!

– С прошлой работы меня вышвырнули, а с моей специальностью сложно найти подходящее место. Здесь же не только кормят и платят, так еще и дали крышу на ночь.

– А что за специальность? – осторожно спросил Ральф. Стефани улыбнулась.

– Спорим, никогда не угадаешь! Ральф пожал плечами.

– Наверняка что-то связанное с искусством?

– В точку, – сказала Стефани. – Теоретическая физика.

Ответ был шокирующим. До сих пор в представлении Ральфа физики, все как один, были седовласыми старцами, всклокоченными и с полубезумным взором. Они курили трубки и носили очки в роговой оправе. Стефани же ни с какой стороны не вписывалась в этот образ. Ральф подумал, что в свое время многое упустил, решив не связываться с наукой. Правда, с мозгами у прочих физиков определенно не все в порядке, раз уж они выставили из своих рядов такую девушку.

– А за что уволили? – спросил он.

– Да... Доказала, что два плюс два – это четыре, и десять лет работы целой лаборатории пошли коту под хвост. В таких случаях проще избавиться от нерадивого сотрудника, чем признать, что многомиллионные гранты спустили в унитаз.

Некоторое время они молчали – Ральф ковырял вилкой рыбу, не решаясь начать есть раньше девушки, Стефани же задумчиво смотрела в потолок.

– Ты правда потерял кошелек? – спросила она. Ральф кивнул.

– Перелезал через забор и не заметил, как из кармана все вывалилось.

– Через забор?!

– Так получилось, – развел руками Ральф, чуть не сбив ширму. – За мной погналась безумная собака, и было недосуг смотреть по сторонам.

– Я так и подумала, что ты никакой не мошенник, – сказала девушка. – И господин Чанг это тоже знает.

– Тогда зачем это? – Ральф постучал по болтавшейся голове панды. – Здесь такая методика подбора персонала?

– Честно – не знаю. Но это неспроста. Спорим, если я одолжу тебе денег расплатиться за завтрак, господин Чанг их не возьмет? Выдумает какую-нибудь бессмысленную причину, лишь бы оставить тебя на работе.

– Неужели так сложно найти распространителя листовок? Девушка пожала плечами.

– Подозреваю, листовки здесь дело десятое. Не нравится он мне. Он страшный, – прошептала Стефани, быстро оглядываясь. – Не опасный, а именно страшный. Как тигр – в Китае же любят тигров?

Ральф кивнул. Господин Чанг будто услышал, что речь о нем. Он взглянул прямо на Ральфа, а потом демонстративно покосился на наручные часы. Страшный? Да уж, девушка права на сто процентов. Что он прячет за зеркальными стеклами очков?

Однако были в этом заведении личности и пострашнее господина Чанга. Например, Вонг Хо. Если господин Чанг походил на тигра, то Вонг Хо напоминал куда более экзотичное и мерзкое создание: гигантское хищное насекомое, богомола, быть может.

– Сколько длится перерыв? – спросил Ральф.

– По закону – полчаса. Так что время есть. Ральф облегченно вздохнул.

– А ты бы действительно одолжила денег расплатиться за завтрак? – спросил он. – Ну, если бы это что-то меняло?

– Теоретически, да, – сказала Стефани. – Практически, тебе пришлось бы ждать две недели, пока мне заплатят за работу. В этом беда любой теоретической модели: на практике все неизбежно упирается в непредвиденные обстоятельства.

– Именно поэтому тебя вышвырнули с работы? – догадался Ральф. Стефани кивнула. – Чем вы занимались, если не секрет?

– Только не смейся. Выясняли, куда пропадают канцелярские скрепки. Замечал, что скрепки с завидной регулярностью то исчезают, то вновь появляются в самых неожиданных местах?

Ральф невольно постучал себя по карману, где лежала найденная в парке скрепка.

– Точно. Похожая напасть с шариковыми ручками и носками. Я и не знал, что это изучает теоретическая физика.

Стефани нахмурилась.

– Носками физика не занимается. А со скрепками действительно проблема. Представляешь, какие убытки несут фирмы из-за этих спонтанных исчезновений?

– Об этом я не подумал, – сказал Ральф. А ведь действительно: пропала одна скрепка, две – никто и не заметит. Но когда счет идет на миллионы... – И вы выяснили, почему они исчезают?

– Тут дело в форме контура, – сказала Стефани. – Слышал про опыты Майкельсона и Морли с эфирным ветром?

– Нет, – признался Ральф.

– Ну и ладно. Все равно вся их теория гроша ломаного не стоит. Они пытались обнаружить эфирный ветер, исходя из предпосылки, что тот замедляет скорость света. Эйнштейн потом здорово потоптался на результатах их исследований, камня на камне не оставил.

– А как это связано со скрепками? – удивился Ральф.

– Эфирный ветер пока не вписывается в современную картину мироустройства, зато объясняет, почему пропадают скрепки. Конечно, в данном случае представление об эфирном ветре несколько отличается от классической схемы. Изначально предполагалось, что тот не оказывает воздействия на предметы материального мира. Проходит сквозь них, как призрак сквозь стены. Ошибка большинства ученых заключалась в том, что они считали эфир монолитной средой, тогда как он дискретен. И в общем потоке можно выделить многочисленные струи. Так вот, проходя через материальные объекты, эти струи могут отклоняться, изменять направление и так далее. И отчетливее всего это проявляется на стальной проволоке. По разным причинам, попав в проволоку, струя эфира начинает двигаться именно по ней, как вода по канализационной трубе. А теперь смотри. Если скрепка лежит под углом к потоку, то ничего не случается. Если она оказывается ему параллельна, то происходит вот что: две струи входят в скрепку с разных концов, проходят по ней и закручиваются в двойную спираль, вроде ДНК. Мы называли это микровихрями. Это двойное торнадо, которое скрепка сама же формирует, ее и уносит. Как домик Дороти в страну Оз. С учетом же скорости эфирного ветра за доли секунды она может оказаться в Антарктиде или на Луне... Мы проверяли – канцелярские скрепки действительно можно найти в космосе. Мало того, скрепка отчетливо видна на одной из фотографий, сделанных «Вояджером-2» на орбите Урана... Ну как, ответила я на твой вопрос?

– Наверное... – задумчиво ответил Ральф.

Настоящая наука занимается простыми вещами. Почему небо синее или почему нагретые предметы светятся... почему пропадают скрепки? Вопросы, которые задают дети, по сути, самые важные вопросы в мире. Но в данном случае объяснение звучало чересчур надуманно. Как у нерадивого отца, который, вместо того, чтобы честно признать, что не знает ответа на заковыристый вопрос, нагородил чепухи, лишь бы отвязаться от назойливого отпрыска.

– И вы выяснили, как справиться с этими... перемещениями?

– Единственный способ – разогнуть скрепку. Тогда с ней ничего не случится. Правда, она перестанет быть скрепкой. Но профессора лаборатории решили, что эфирным токам должно мешать полимерное покрытие. Оптимальной защитой назначили виниловую оболочку.

– Я думал, это для красоты...

– Ха! Так оно и получается. С оболочкой или без нее – скрепки продолжают исчезать. За это меня и вышвырнули. Стоило заикнуться, что никакое покрытие не сможет остановить процесс, и все – прощайте лаборатория, место в общежитии. С чемоданами – на улицу...

– Жестко.

– Это наука. Она не терпит инакомыслия. А уж когда на другой чаше весов оказывается приличная сумма, пожертвованная производителем полимеров, кто станет терпеть пигалицу, которая и диссертацию-то не защитила? – Стефани вздохнула. – На самом деле все не так просто, как кажется. Убытки канцелярских фирм – одна сторона монеты. Если удастся совладать с этим явлением, научиться управлять движением эфирных струй, представляешь, какие возможности откроются перед человечеством? Это же прямая дорога к околосветовым скоростям и межзвездным перелетам. Такого прорыва в науке не было со времен изобретения колеса. Но вместо того чтобы заниматься делом, приходится, улыбаясь, разносить тарелки.

Ральф сочувственно кивнул. Картина, нарисованная Стефани, может, и была утопической, но образ звездолетов, с помощью обычных скрепок несущихся к далеким мирам, завораживал. Нет, неспроста скрепка входит в десятку величайших изобретений человечества. В Норвегии ей даже установили памятник.

Но куда больше скрепок и звездолетов пленяла сама девушка. Пока Стефани описывала схему придуманного ею эфирного паруса, ее лицо будто светилося изнутри. Научные выкладки Ральф понимал через слово, путался в терминах и не разобрался, зачем соединять скрепки с индукционными катушками, но в то же время слушал девушку, раскрыв рот. Когда-нибудь Стефани действительно построит свой звездолет, в этом можно не сомневаться. А раз так – Ральф не хотел оставаться в стороне.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.